Как жить, если человек
не вернулся домой?

ЖДАТЬ, НЕЛЬЗЯ, *проститься*

ОКСАНА ВОЛКОВА

Оксана Волкова

Ждать нельзя проститься

«Автор»
2026

Волкова О.

Ждать нельзя проститься / О. Волкова — «Автор», 2026

Как жить, если человек просто не вернулся домой?Владислав исчез. Без объяснений, без прощания, без ответа на главный вопрос — жив ли он. Нет тела. Нет могилы. Нет даты, после которой можно перестать ждать.Его мать Инга продолжает покупать сыну вещи. Отец Филипп всё чаще ночует на работе. Сестра Майя собирается замуж, но не знает, имеет ли право быть счастливой, пока брат не вернулся.А телефон молчит. Каждый незнакомый номер может оказаться тем самым.Проститься — значит отказаться от надежды. Ждать — значит не жить.А если ждать придётся всю жизнь?«Ждать нельзя проститься» — роман о семье, которая учится жить без ответа. О любви, которая не заканчивается с исчезновением человека. И о запятой, которую невозможно поставить за другого.

© Волкова О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Запасной ключ 6
Глава 1. Рядом со мной 8
Глава 2. Вместо обеда 14
Глава 3. Оттенок не совпадает 20
Глава 4. Абонент временно недоступен 26
Глава 5. Командировка в Краснодар 31
Глава 6. Гена, Витя и Толстый 37
Глава 7. Тарелочка с зайцем 43
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Оксана Волкова
Ждать нельзя проститься

Как жить, если человек просто не вернулся домой?
Не погиб. Не умер. Просто не вернулся.
Нет тела. Нет даты. Нет ответа.
Проститься — значит отказаться от надежды. Ждать — значит не жить.
Но что, если ждать придётся всю жизнь?

Пролог. Запасной ключ

— Нам нужно его отпустить.

— Куда отпустить? Он же не сказал, что уходит.

Филипп посигналил дважды. Первый раз — «я приехал». Второй — «я знаю, что ты стоишь в прихожей и не можешь выйти».

Инга действительно стояла в прихожей. В куртке, с сумкой на плече и в одной туфле. Вторую она держала в руке и смотрела на неё так, будто туфля задала ей вопрос, на который нет ответа.

За тридцать лет брака Филипп выучил её сигналы, а она — его. Третьего сигнала в его словаре не было. После второго он обычно глушил мотор, долго сидел, а потом шёл в дом сам. Так что время у неё ещё было. Минуты три.

Она надела туфлю и пошла проверять газ.

Газ был выключен. Она проверила его в шесть утра, потом в восемь, потом когда мыла чашки. Окна закрыты. Кран в ванной не капал, но она всё равно подкрутила его посильнее. Утюг стоял на полке холодный. Утюгом она не пользовалась неделю, но провела ладонью по подошве. На всякий случай.

В доме было тихо. Непривычно, неправильно тихо. Никто не цокал когтями по ламинату, не бежал за ней из комнаты в комнату проверять, не собирается ли она уйти без него. Кими увезли утром.

Алина приехала в девять, ровно, как договаривались. Инга вынесла ей пакет: корм, две миски, плед, любимую резиновую утку без пищалки, которую Кими любила именно за то, что та не пищала. И поводок. И отдельно — пакетик с лакомствами.

— Не больше трёх в день, — сказала Инга. — Она будет просить. Она умеет смотреть так, что кажется, будто её неделю не кормили. Не верь.

— Хорошо.

— Три. Даже если сядет на задние лапы.

— Я поняла.

— Она садится на задние лапы, и это очень… Три.

— Инга Матвеевна, — сказала Алина, — я поняла с первого раза.

Инга кивнула. В машине у Алины Кими устроилась на переднем сиденье, как будто всю жизнь только туда и садилась, и даже не обернулась. Через двадцать минут Инга написала Алине сообщение: «Три в день». Алина ответила смайликом. Каким именно, Инга разбирать не стала.

Теперь можно было идти.

Филипп предлагал уехать с весны. Сначала на море — она тогда сказала, что они и так живут у моря, и он засмеялся, но предлагать не перестал. Потом в горы. Потом «хоть куда, Инга, хоть на три дня». Она каждый раз отвечала «потом». В пятницу вечером он спросил снова, не поднимая глаз от телефона, как спрашивают о погоде. Она сказала: «Давай». Он так удивился, что переспросил.

Она дошла до двери — и свернула в коридор.

Дверь в комнату сына была открыта. Она давно не закрывала её, ни днём, ни ночью. В закрытой двери было что-то окончательное, а в открытой — только то, что человек вышел.

Инга не вошла. Она остановилась на пороге, как останавливаются в чужом доме.

Кровать застелена. Покрывало без единой складки: Кими всё это время делала всё, чтобы складки появлялись, а Инга всё это время их разглаживала. На полке стоял флакон одеколона, тёмное стекло, наполовину пустой. Дверца шкафа была приоткрыта, и в щели виднелся рукав — тёмно-синий, новый, с острой магазинной складкой. На рукаве болтался картонный ярлык.

Она подошла и закрыла дверцу. Постояла. Потом снова приоткрыла — на ту же ширину, как было.

На кухне на столе лежала тетрадь. Толстая, в клеёнчатой обложке, раздутая от вклеенных бумажек. Инга взяла её, подержала, положила обратно. Ровно посередине стола. Подумала и сдвинула на край, чтобы никто случайно не поставил на неё кружку.

Записку она написала ещё вчера вечером. С третьего раза. В первом варианте было полстраницы: когда они вернутся, что лежит в холодильнике, что Кими у Алины, телефон Алины, телефон Тамары Павловны, телефон соседки слева на случай, если отключат свет. Во втором — пять строчек. В третьем осталась одна.

Инга вышла на крыльцо, закрыла дверь на оба замка и подёргала ручку. Сложила записку вчетверо и вместе с ключом убрала в пакетик с застёжкой, от дождя.

Если вернёшься раньше нас, ключ под цветочным горшком.

На крыльце стоял горшок с геранью. Герань была от отцовской — отросток, который Инга когда-то увезла из дома под Волгоградом в пластиковом стаканчике. У отца ключ всегда лежал под геранью. Все это знали: соседи, почтальон, наверное, и воры. Маленький Влад, приезжая к деду на лето, первым делом лез под горшок проверить, на месте ли ключ. Будто проверял не ключ, а деда.

Лет двадцать назад Инга тоже однажды оставила ключ под горшком, на час, сбегать в магазин. Вернулась — ключ на месте, а рядом записка свекрови, ровным почерком: «Инга, ключ под горшком — первое место, где ищут воры. Н. Э.». С тех пор Инга так не делала. Ни разу.

Она наклонила горшок, положила пакетик на блюдце, под донышко, и поставила горшок на место. Поправила, чтобы стоял ровно, как раньше.

Филипп смотрел на неё из машины. Мотор он заглушил. Значит, собирался идти в дом сам. Значит, у неё оставалась минута.

Она не стала тратить эту минуту. Спустилась с крыльца, прошла по дорожке мимо «Нивы» — Филипп заводил её каждое утро, и капот ещё не остыл, — и открыла дверцу.

— Газ? — спросил он.

— Выключила.

— Утюг?

— Я им неделю не пользовалась.

— Значит, выключила, — сказал Филипп и завёл мотор.

Выехали за ворота. Инга посмотрела в боковое зеркало. Дом ещё был виден, и горшок с геранью стоял на своём месте. Потом дорога повернула.

На светофоре у рынка Филипп сказал, не поворачивая головы:

— Ты записку под горшок положила.

— Да.

— А в записке написано, что ключ под горшком.

— Да.

— Так если он её читает, он ключ уже нашёл.

— Я знаю, — сказала Инга.

Филипп кивнул, как будто она объяснила что-то совершенно разумное. Светофор переключился.

Влад пропал почти два года назад. Его так и не нашли. Его ключи пропали вместе с ним.

Часть первая

Ждать

Можно утешить ребёнка, потерявшего куклу. Но чем утешить мать, у которой пропал сын?

Глава 1. Рядом со мной

Был одет: тёмно-синяя куртка, джинсы, серые кроссовки. При себе мог иметь телефон и связку ключей.

— Из ориентировки

— Мам, его оставлять?

Майя держала ручку над списком гостей.

Инга не сразу поняла, о ком речь. На плите закипал чайник, на сковороде шипела картошка, и вопрос прозвучал так, как звучат на кухне вопросы про укроп: класть или не класть. Филипп у раковины воевал с банкой огурцов. Банку закатывала Нелли Эдуардовна, а Нелли Эдуардовна закатывала так, чтобы потом открыть могла только она сама. Под столом Кими стояла на задних лапах перед Эриком и смотрела на сыр в его тарелке. Эрик держался. Он приходил к ним на субботние обеды всего полгода и ещё верил, что собаке со стола нельзя.

— Кого? — спросила Инга.

— Влада.

Филипп перестал крутить крышку.

Чайник щёлкнул и выключился. Стало слышно, как тикают часы над дверью, — Инга не слышала их, кажется, с осени. Кими опустилась на четыре лапы, подумала и снова встала на две. Сыр её интересовал больше, чем пауза.

Списков у Майи с Эриком было три. Два в телефонах — у каждого свой, и они расходились человек на пять. Третий, общий, бумажный, Майя распечатала ещё в октябре и с тех пор носила в прозрачном файлике, как паспорт. На бумажном было удобно черкать. Черкали все. Эрик вписывал новых двоюродных, Майя вычёркивала их обратно, Нелли Эдуардовна по телефону требовала вписать какую-то Людмилу Карловну, которую, кроме неё, никто не помнил.

На второй странице, в столбике «Наши», между Русланом и тётей Светой из Саратова, стояло: «Влад + 1». Почерк был Владов. Он вписал себя сам, ручкой, которая плохо писала, и поэтому обвёл букву «В» два раза.

Инга помнила тот вечер. Октябрь, эта же кухня, Майя с файликом.

— Плюс один пиши, — сказал тогда Влад.

— Кто плюс один?

— Девушка. С которой всё серьёзно.

— У серьёзной девушки имя есть?

— Скажу, когда рассадишь тётю Свету с дядей Валерой так, чтобы они не подрались.

Майя сказала, что тогда не узнает имени никогда. Влад засмеялся, отобрал у неё ручку и вписал себя сам. Инга в это время резала хлеб — тогда она ещё пекла его по субботам — и подумала только одно: «серьёзно» у Влада бывало и раньше. Серьёзно он собирался учить испанский, серьёзно бросал курить, серьёзно копил на свою покрасочную.

Девушку звали Алина. До декабря Инга видела её два раза. Один раз за ужином, где Алина почти ничего не ела и всё время благодарила. Второй — из окна: Влад высадил её у калитки, а она поцеловала его в щёку, быстро, как будто опаздывала.

— Ресторану до понедельника нужно примерное число, — сказала Майя. Голос у неё был деловой, риелторский, каким она разговаривала с клиентами, которые хотят у моря и за бесценок. — Не окончательное, рассадку согласуем в августе. Сейчас — чтобы держать зал. До шестидесяти — малый. Больше — большой, а в большом колонны. Я колонны не хочу.

— С нашей стороны тридцать четыре, — сказал Эрик. — Мама говорит, это она ещё скромно.

— Твоя мама вчера прислала ещё троих.

— Это не ещё. Это те же, просто она вспомнила, что у них есть дети.

Кими воспользовалась тем, что Эрик повернулся к Майе, и положила обе передние лапы ему на колено. Эрик посмотрел на неё сверху вниз — длинно, по-инженерски, как смотрят на конструкцию, которая не должна держаться, а держится.

— Не давай, — сказала Инга.

— Я не даю.

— Ты думаешь, что не даёшь. Она считает иначе.

Майя положила список на стол и разгладила его ладонью.

— Мам, я серьёзно. С тётей Светой я разберусь: посажу их через стол, обоих лицом к сцене, им будет не до ссор. Я про Влада.

Тётя Света и дядя Валера развелись восемь лет назад, но на все семейные праздники приезжали из Саратова вместе, одним поездом, в одном купе, и всю дорогу не разговаривали. За один стол их сажать было нельзя. За разные — обидно обоим. Эту задачу семья решала на каждой свадьбе и каждых похоронах с две тысячи семнадцатого года, и Инга сейчас отдала бы что угодно, чтобы Майя спрашивала её про тётю Свету.

— Можно ведь пока оставить, — сказал Эрик. — А потом пересадить, если что…

Он услышал своё «если что» на полсекунды позже, чем все остальные. Инга увидела, как у него покраснели уши — сначала левое, потом правое. Майя под столом толкнула его коленом. Эрик открыл рот, чтобы поправиться, понял, что поправлять нечего, и закрыл.

В эту секунду Кими сняла с его тарелки сыр. Аккуратно, двумя зубами, не задев огурец. И ушла под стол, не торопясь, с достоинством.

— Эрик, — сказала Майя.

— Я не давал.

— Я видела.

— Она сама взяла. Это разные вещи.

— Для неё — нет, — сказала Инга. — Теперь она думает, что ты её.

Раньше Инга звала Кими «Владовой крысой». Влад притащил её щенком, размером с варежку, и сказал, что это ненадолго, пока друг не найдёт ей хозяев. Друг ищет хозяев до сих пор. Крыса спала у Влада на подушке, ела с Владовой вилки и при Инге демонстративно делала вид, что не понимает команды «место». Теперь Кими вылезла из-под стола, облизнулась и пошла к Инге — проверить, нет ли чего у неё. Инга ничего не дала. Кими села рядом и прислонилась к её ноге боком, тёплая, лёгкая, как батон из пакета.

— Может, перенесём? — сказала Майя.

Она сказала это в стол, в файлик, не поднимая головы. Сказала быстро, будто давно держала во рту и наконец выпустила.

— Не надо, — сказала Инга.

Она сказала это спокойно. Она вообще говорила спокойно — на работе, дома, у следователя, по телефону с волонтёрами. Но все за столом услышали «надо». Даже Кими подняла ухо.

Филипп так и стоял у раковины с банкой. Инга видела его спину в домашней клетчатой рубашке и знала, что сейчас он будет молчать. Он молчал по-разному. Когда не знал, что сказать, — смотрел в окно. Когда знал, но не хотел, — что-нибудь чинил. Сейчас он снова начал крутить крышку.

— Перенесём, если тебе так легче, — сказал Эрик. Он говорил медленно, будто проверял каждое слово на прочность, прежде чем наступить, и всё равно проваливался. — Мне всё равно — сентябрь, май… Правда. Только… ну, ради тебя. Не ради… — он поискал слово, не нашёл лучше и сказал как есть: — Не ради чужой вины.

Майя подняла на него глаза.

Инга почувствовала, как у неё горит лицо. «Чужой». Она понимала, что Эрик не про неё. Или не только про неё. Скорее всего, он вообще ни про кого — он говорил так, как говорят

инженеры о нагрузке на конструкцию: сначала посчитать, кому её нести. Но «чужая вина» сидела за этим столом, и сидела она на её стуле.

Крышка щёлкнула. Банка открылась.

— Не переносим, — сказал Филипп.

Он поставил банку на стол, вытер руки о полотенце и только тогда обернулся.

— Он бы не простил, что из-за него.

— Пап, ты за него не решай.

— Я и не решаю. Я его знаю.

Инга подумала: а я? Я его не знаю? Двадцать семь лет. Знаю, что он ест хлеб с горбушки и оставляет чашку на столе, а не в раковине. Что он не всегда предупреждает, если задерживается. Что он мог бы, наверное, за месяц до свадьбы сестры позвонить откуда-нибудь и сказать: «Мам, ну вы чего, я же…»

Дальше она не додумала. Дальше она не додумывала уже три месяца.

— Значит, не переносим, — сказала Майя. — Тринадцатое.

— Тринадцатое, — сказал Эрик.

— Тринадцатое, — сказал Филипп.

Инга кивнула.

Решили вместе. И каждый был недоволен — это было видно, как видно погоду в окне. Майя крутила ручку. Эрик разглядывал огурец. Филипп снова отвернулся к раковине, хотя банка была открыта и делать там было нечего. А Инге стало легче. И за это она была недовольна собой больше всех.

На сковороде запахло. Она встала, перевернула картошку. Снизу пригорело, но не сильно — так, как Влад любил, с корочкой, и Майя тоже любила, и вообще все любили, просто никто никогда не признавался, что любит пригоревшее.

— Внимание, — сказал Филипп за её спиной. — Ставриди выходит к сковороде. Опасный момент. Лопатка… Удар! И картошка… картошка у самого края! Вратарь в падении!

Майя фыркнула.

Это была старая игра. Когда дети были маленькими и ругались из-за пульта или из-за того, кто первый в ванную, Филипп начинал комментировать — что угодно, как матч: как Инга режет салат, как Майя завязывает шнурки, как Влад несёт мусорное ведро, «мяч у Ставриди-младшего, он проходит по флангу, калитка, ветер в лицо, до бака остаётся три метра…». Дети смеялись, ссора забывалась. Влад потом сам научился и в пятнадцать лет довёл Филиппа до икоты, откомментировав, как тот паркуется.

Инга обернулась. Филипп смотрел не на неё. Он смотрел на дочь. Он делал это для Майи — и Майя это знала, и улыбалась, и вытирала глаза тыльной стороной ладони, будто от лука.

— Мам, — сказала Майя. — Так сколько?

— Чего сколько?

— Мест. Шестьдесят или шестьдесят два? Мне в понедельник звонить.

Эрик начал считать вслух, загибая пальцы: «Тридцать четыре с нашей, двадцать шесть с вашей — это шестьдесят. Тётя Света с дядей Валерой уже внутри. Людмила Карловна под вопросом. Плюс два…» На «плюс два» он замолчал и так и не сказал, чьи это два. Филипп включил чайник ещё раз, хотя тот только что вскипел.

Вчера Инга полтора часа объясняла второму курсу, чем особое производство отличается от искового. В особом производстве нет спора. Нет истца и ответчика. Есть только факт, который нужно установить. Она чертила на доске схему, студенты фотографировали её на телефоны, одна девочка с первой парты спросила, будет ли это на экзамене. Будет, сказала Инга. Всё будет на экзамене.

Шестьдесят или шестьдесят два.

Инга знала, сколько лет нужно ждать по закону и в каком суде подаётся заявление. Знала, какие бывают формулировки и где в них ставят запятую. Знала, куда звонить по понедельникам и четвергам, когда у следователя приём. Знала наизусть номер координатора волонтёров. А сколько мест заказать на свадьбу собственной дочери — не знала.

— Я не знаю, — сказала она.

— Ты всегда знаешь, — сказала Майя. Без упрёка. Просто как факт.

— Сейчас не знаю.

— Мне не точно надо. Примерно.

— И примерно не знаю.

— Ладно, — сказала Майя. — Тогда другое. Если оставляем — его куда сажать? К молодёжи, с Русланом? Или к вам, за родительский?

— Рядом со мной, — сказала Инга.

Она сказала это сразу, не думая, так же быстро, как минуту назад не смогла сказать «шестьдесят» или «шестьдесят два». Сколько мест — она не знала. Где его место — знала точно. Слева. Справа Филипп, слева Влад — как на всех семейных праздниках с тех пор, как он вырос из детского стульчика и стал занимать за столом столько места, сколько хотел, и таскать у неё с тарелки огурцы, думая, что она не видит.

Эрик опустил руку, на которой так и остались загнутые пальцы. Майя посмотрела на мать. Подбородок у неё дрогнул — коротко, один раз, — и она ничего не сказала. Инга это видела. Она подумала, что Майя сейчас заплачет из-за брата, и потянулась погладить её по руке. Майя руку убрала — не резко, просто взяла ручку и поднесла её к строчке «Влад + 1», к букве «В», обведённой два раза. Подержала.

Не вычеркнула. И не исправила. Даже точку рядом не поставила.

— А плюс один — это же Алина, — сказала Майя, не поднимая глаз от строчки. — Её звать?

Никто не ответил. Эрик посмотрел на Филиппа, Филипп — в окно. Инга подумала, что даже не знает, как Алина записана в телефоне у Влада — полным именем, сердечком или как-нибудь ещё, как записывают в двадцать семь лет. У неё самой в телефоне стояло просто: «Алина (Влада)». Скобки она поставила в декабре и с тех пор не знала, что с ними делать.

— Потом, — сказала Инга.

— Потом — это когда?

— Майя.

— Ладно. Потом.

Майя убрала список в файлик, файлик положила на соседний стул.

— В понедельник им что-нибудь скажу, — сказала она.

Эрик молча подвинул ей свою тарелку — остаток сыра. Майя посмотрела на тарелку, на него, и вдруг засмеялась — коротко, удивлённо, как смеются, когда заканчиваются слёзы.

— Ты же сам его не ешь.

— Я его охранял.

— Плохо охранял.

У Майи пискнул телефон — десять процентов. Она полезла в сумку, вспомнила, что зарядку забыла в машине, а машину Эрик поставил за два дома.

— У Влада есть, — сказала она. — Моя. Свою он ещё летом потерял, а мою в ноябре забрал. Сказал — на неделю.

— Я схожу, — сказал Эрик и встал раньше, чем кто-нибудь успел возразить.

Инга пошла за ним. Не потому, что надо было показать, где. Он знал, где: комната была в конце коридора, дверь открыта. Просто пошла.

На пороге она остановилась.

Эрик вошёл в комнату так, как входят в чужой цех, — боком, ничего не задевая. Зарядка была воткнута в розетку у тумбочки, провод уходил под кровать. Эрик присел, вытащил его, смотал на ладонь аккуратными одинаковыми кольцами, как моряки сматывают трос. Мимо его ног прошла Кими, запрыгнула на кровать и устроилась на подушке — демонстративно, спиной к нему. Сыр она ему уже простила, но не до конца.

Инга подумала, что с декабря сюда никто не заходил, кроме неё и собаки. Она каждое утро поправляла здесь покрывало, а Кими каждую ночь его сбивала. А теперь здесь, у тумбочки, сидел на корточках почти чужой парень в носках с якорями, который в сентябре станет родственником. Комната выдержала.

— Эта? — Эрик показал зарядку.

— Эта, — сказала Майя у Инги за плечом. — Видишь, белая. А у него была чёрная.

— Сказал же — на неделю.

— Он всегда так говорил.

Эрик выпрямился и замешкался: провод был смотан, а положить его было некуда — не на Владову же тумбочку обратно. Он постоял с зарядкой в руке и отдал её Майе. Майя сунула её в карман.

— Владова крыса, — сказала Инга в сторону кровати.

Кими приоткрыла один глаз. Потом закрыла.

* * *

Вечером Майя и Эрик уехали. В прихожей, уже в куртке, Майя спросила:

— Мам, ты не обиделась?

— На что?

— Что я спросила. Про «перенести».

— Ты правильно спросила, — сказала Инга. И поняла, что это правда, только поздно: сказать это надо было там, за столом, при всех.

Майя кивнула — так, будто не до конца поверила. Обняла её коротко, как обнимают на остановке, когда подходит автобус, и вышла. Эрик задержался на секунду, хотел что-то сказать, но только кивнул — сначала Инге, потом Филиппу, — и пошёл за ней. Инга видела из окна, как он у машины забрал у Майи сумку, а Майя у него — ключи, и как они поспорили, кто поведёт, и как Майя победила.

Филипп лёг рано. Он теперь всегда ложился рано, а вставал в шесть, раньше будильника, и первым делом выходил во двор заводить «Ниву». Инга слышала из спальни, как она ворчит на холоде и как потом начинает играть радио — та самая волна, на которой его оставили. Филипп ни разу не переключил.

Инга сидела на кухне с телефоном. Филипп, проходя мимо в ванную, остановился в дверях.

— Опять с дверью разговариваешь, — сказал он.

Не спросил. Сказал. Он говорил это не в первый раз и, кажется, без злости — так говорят про человека, который ходит к морю зимой: не понимают, но и не отговаривают. Инга не ответила. Он постоял и ушёл.

Она набрала:

«Влад, привет. Сегодня три месяца. Папа говорит, что писать на твой номер — это как разговаривать с дверью. А я думаю: дверь хотя бы есть. Свадьбу не переносим. Ты в списке. Кими спит на твоей подушке. Мама».

Отправила. Посмотрела, как сообщение ушло. Больше ничего не произошло. Ничего никогда больше не происходило, но Инга всё равно смотрела.

Про подушку была правда. Инга сходила проверить. Кими лежала поперёк Владовой подушки, свернувшись так, что голова и хвост сошлись. Покрывало было сбито до середины кровати. Инга не стала поправлять. Утром.

Тетрадь лежала в ящике кухонного стола, под полотенцами. Толстая, в клеёнчатой обложке. Инга купила её в декабре в киоске на заправке под Волгоградом, в ту первую ночь, когда координатор волонтёров — молодой, усталый, в шапке с помпоном, на которую Инга почему-то всё время смотрела, — сказал ей:

— Записывайте всё. Вам кажется, что вы запомните. Не запомните.

Она тогда кивнула и подумала, что он ничего про неё не знает. Она преподаватель, она двадцать лет помнит наизусть статьи кодексов с номерами пунктов. Через неделю она не смогла вспомнить, в какой день звонил следователь, во вторник или в среду, и сидела над этим полночи, как будто от вторника или среды что-то зависело. После этого она начала записывать.

Она расчертила страницы сама, по линейке, на четыре столбца: «Дата». «Что сделано». «Кто». «Результат». Почерк у неё был ровный, лекторский, буквы стояли одна к одной. Декабрь занимал шестнадцать страниц. Январь — девять. Февраль — четыре. Записи становились короче, а промежутки между ними — длиннее, и это было хуже, чем если бы всё было наоборот.

Последняя запись была вчерашняя:

«Звонила в отдел — без изменений».

В столбце «Кто» стояло: «Я». В столбце «Результат» — прочерк.

Инга взяла ручку. Посидела.

Потом под этой строчкой написала: «13 сентября. Свадьба Майи».

И остановилась.

Тринадцатое сентября ещё не наступило. Ничего не было сделано. Никто ничего не делал. Результата не было и не могло быть.

Строчка вышла длинная и кривая, через все четыре столбца сразу, через линии, которые Инга чертила по линейке. Она посмотрела на неё. Потянулась было за линейкой — подчеркнуть, как подчёркивала всё.

И не стала. Закрыла тетрадь, убрала под полотенца и выключила на кухне свет.

Глава 2. Вместо обеда

Филипп, ты опять без обеда? И.

— Записка на контейнере

Филипп ходил в церковь каждый день, как на работу. Точнее, вместо обеда.

Но до обеда надо было ещё дожить, а день у него начинался с «Нивы».

Он вставал в шесть, раньше будильника, который всё равно ставил — на всякий случай, как ставят второй замок. Тихо, чтобы не разбудить Ингу, одевался в коридоре, брал ключ с крючка и выходил во двор. Мартовский холод в Темрюке был ненастоящий, сырой, с моря, но «Нива» его не любила. Она вообще была машина с характером. Влад говорил, что у неё не мотор, а мнение.

Филипп садился, выжимал сцепление, поворачивал ключ. Стартер крутил долго, потом «Нива» нехотя кашляла и заводилась. И сразу, без паузы, включалось радио.

Влад оставил его на волне, которую Филипп не слушал никогда в жизни. Там в шесть утра двое ведущих смеялись так, будто им за это доплачивают, потом ставили музыку, от которой у Филиппа сводило челюсть, потом снова смеялись. Филипп мог бы переключить. Кнопка была под пальцем. Он не переключал. Сидел десять минут, смотрел на капот, слушал, как двое незнакомых людей обсуждают, можно ли есть пельмени на завтрак, и ждал, пока стрелка температуры отойдёт от нуля.

Потом глушил мотор. Радио замолкало вместе с ним, на полуслове. Каждый раз на полуслове.

Кими встречала его в прихожей уже одетая — в смысле, с поводком в зубах. Поводок она носила сама, как носят портфель. Утренняя прогулка была её законом, и с декабря закон перешёл от Влада к Филиппу без всякого нотариуса. Первую неделю она гулять с ним отказывалась: садилась у калитки и смотрела на дорогу. Потом согласилась — на её условиях. Условия были такие: до угла, обнюхать столб, облаять кота Кравченко, назад.

У столба их каждое утро встречала Кравченко-старшая — в халате, с ведром для курей и с одним и тем же вопросом:

— Ну как там? Ничего?

— Ничего, — отвечал Филипп.

— Ну, ничего — это тоже хорошо. Значит, не плохое.

Филипп кивал. Он давно понял, что на этот вопрос существует только один правильный ответ, и этот ответ должен быть коротким, иначе Кравченко-старшая начнёт рассказывать про свою сестру из Крымска, у которой кум через полгода нашёлся в Ростове. Кум нашёлся пьяным. Филипп слышал эту историю четыре раза и каждый раз не знал, куда деть лицо.

Сегодня в прихожей она стояла не с поводком, а с тапкой. С Владовой, левой.

— Положи, — сказал Филипп.

Кими не положила.

— Это не твоё.

Кими посмотрела на него так, будто это как раз её, а он здесь человек временный. Филипп вздохнул, забрал тапку, отнёс в комнату сына и поставил к правой, носками к кровати, как стояли. Когда вернулся, Кими уже держала в зубах поводок. С тапкой она, видимо, просто проверяла, на месте ли он.

На кухне, на холодильнике, стоял контейнер. Синий, с защёлками. Инга собирала его каждый вечер, хотя никто её не просил: гречка, котлета, огурец, кусок хлеба. Сверху на крышке был приклеен квадратный жёлтый листок. Почерк Инги, ровный, лекторский:

«Филипп, ты опять без обеда? И.»

Вчера контейнер вернулся нетронутым. Позавчера тоже. Филипп посмотрел на листок, отлепил, сунул в карман куртки. Контейнер взял.

* * *

Весенняя переобувка в автоцентре начиналась без объявления, как погода. Ещё в понедельник мастера сидели в курилке и обсуждали футбол, а во вторник в семь сорок у ворот уже стояли одиннадцать машин, и у каждой в багажнике лежали колёса.

Очередь на шиномонтаж была отдельным государством. У неё была своя конституция: живая очередь главнее записи, потому что запись — это бумажка, а очередь — это люди. Своё правительство: дед на синей «десятке», который приезжал в шесть тридцать с термосом и считал себя президентом. Свои пограничные споры: кто уехал за кофе и вернулся, тот ещё в очереди или уже эмигрант. Девочка-администратор Оля пыталась жить по записи. Государство считало Олю иностранным агентом.

— Филипп Георгиевич, — Оля стояла в дверях кабинета с журналом, — там опять. Мужчина на «Тигуане» записан на девять, а дед говорит, что он за ним не стоял.

— Дед с утра?

— С шести тридцати.

— Тогда дед прав.

— Но запись…

— Оля, — сказал Филипп, — дед с термосом приезжает в шесть тридцать восемь лет подряд. Он видел, как я этот бокс строил. Запусти «Тигуан» во второй бокс, Саша его возьмёт, а деду скажи, что я лично распорядился. Он любит, когда лично.

Оля ушла. Через минуту в окно Филипп увидел, как дед, услышав «лично», снял кепку и прижал к груди. Государство было спасено.

На работе Филипп знал, что делать. Это было главное, что у него осталось с декабря. Если машина не заводится, значит, есть причина, и причина найдётся. Если колесо бьёт, его можно отбалансировать. Если мастер накосячил, мастер переделает. Здесь всё имело объяснение. Он мог стоять у подъёмника, слушать, как пневмогайковёрт выкручивает гайки — длинная очередь, короткая, длинная, — и чувствовать, что мир устроен понятно.

В половине одиннадцатого в боксе у электриков он столкнулся с Русланом.

Руслан лежал под капотом чьей-то «Весты» с тестером и, увидев Филиппа, выпрямился так резко, что стукнулся затылком о капот.

— Здрасьте, Филипп Георгиевич.

— Здорово. Что там?

— Генератор. Щётки. Ничего страшного.

— Ну и хорошо.

Руслан кивнул. Посмотрел на Филиппа — секунду, не больше, — и отвёл глаза на тестер, как будто в тестере вдруг стало что-то интересное. Он делал так каждый день. Здоровался, отвечал, смотрел ровно секунду и отводил глаза. С декабря. Раньше Руслан был у Ставриди в доме своим: приходил с Владом, ел за двоих, спорил с Ингой про сериалы, однажды уснул на диване, и Кими улеглась ему на живот. С декабря он не зашёл ни разу.

Филипп не спрашивал почему. Решил, что парню просто тяжело. Людям тяжело — каждому по-своему, и у каждого своё право не приходить.

— Щётки нормальные поставь, — сказал Филипп. — Не китайские.

— Нормальные, — сказал Руслан тестеру.

Филипп уже повернулся уходить и вдруг остановился.

— Руслан. В субботу Инга плов делает. Приходи.

Руслан выпрямился ещё раз — осторожнее, помня про капот.

— В субботу не могу, Филипп Георгиевич. Я у матери. Забор.

— В воскресенье тогда.

— В воскресенье… — Руслан посмотрел на тестер, на «Весту», на свои руки. — Посмотрим. Спасибо.

«Посмотрим» в автоцентре означало «нет». Филипп знал это лучше всех: он сам так отвечал поставщикам. Он кивнул и вышел из бокса. Почему парень не приходит, он по-прежнему не спрашивал. Но впервые подумал, что дело, может быть, не только в том, что тяжело.

* * *

В двенадцать сорок Оля заглянула снова.

— Филипп Георгиевич, обедать будете? Мы пиццу заказываем.

— Нет, Оль. Мне по делу надо.

— Опять? — Из-за Олиной спины высунулся Саша-шиномонтажник, в перчатках, с балансировочным грузиком за ухом, как карандаш. — Филипп Георгиевич, вы так похудеете, и нас кто-нибудь купит. Люди уважают толстого хозяина.

— Работай, Саша.

— Я работаю. Я за вас переживаю. Мы с пеперони берём, одну вам оставить?

— Не оставляй.

— Оставлю, — сказал Саша и исчез.

Вечером на столе в кабинете будет лежать кусок пиццы, завёрнутый в салфетку, холодный. Филипп знал это заранее. Саша оставлял его каждый день и каждый вечер сам же съедал, когда приходил сдавать ключи от бокса.

По делу ему надо было каждый день, в двенадцать сорок. Оля это знала. Мастера тоже. Никто не спрашивал, по какому. В автоцентре вообще мало спрашивали: здесь было принято, что если человек едет по делу, значит, у человека дело.

Он сел в «Камри», бросил контейнер на пассажирское сиденье и поехал. Мимо шаурмы у рынка, где раньше брал обед. Мимо пекарни, где Инга покупала хлеб, когда перестала печь сама. Направо, через переезд, к церкви.

Церковь была небольшая, белая, с зелёным куполом. Филипп ходил в неё раньше два раза в год: на Пасху, освящать куличи, потому что Инга пекла, и на Крещение, за водой, потому что Нелли Эдуардовна велела. Он не знал ни одной молитвы целиком. «Отче наш» помнил до «хлеб наш насущный», дальше путался. Крестился он правильно — справа налево, — но всякий раз проверял себя, как проверяют, закрыл ли машину.

В будний день в обед здесь почти никого не было. Женщина в платке протирала подсвечник. Старик сидел на лавке у стены и, кажется, спал. Пахло воском и чем-то сладким, вроде сухих яблок.

У свечного ящика сидела свечница — полная, в очках на цепочке. Филипп ходил сюда три месяца, а имени её так и не узнал. Она его, кажется, знала. В первый раз, в декабре, она посмотрела на него, когда он купил свечу, чуть дольше, чем надо, и он понял: читала. В Темрюке все читали. Ориентировка висела на остановке у рынка, на двери магазина, в группе города, где под ней писали «держитесь» и «найдётся, вот увидите» люди, которых Филипп никогда не видел.

Он взял свечу, положил деньги на блюдце. Потом взял со стопки бланк записки.

Бланк был напечатан на дешёвой бумаге, с крестиком сверху и словами «О здравии». Под ними — пустые строчки. Филипп достал свою ручку, синюю, автоцентровскую, с логотипом на боку, и написал, стараясь, чтобы было ровно:

«Владислава».

Одно имя. Больше он никого не вписывал. Свечница как-то сказала ему, что можно и родных, и себя, и жену — места много. Он кивнул и вписал одно имя. Места оставалось много.

Он сложил записку пополам. Свечница подняла глаза.

— Подаёте?

— Сейчас, — сказал Филипп. — Свечку поставлю.

Он отошёл к подсвечнику у иконы, где ставил всегда. Он не знал, чья это икона. Он выбрал её в первый день, потому что подсвечник перед ней стоял ровно, а соседний был погнут, и Филиппа это раздражало. Он зажёг свою свечу от чужой, поставил её. Свеча сначала наклонилась, и он, не думая, поправил её пальцами, как поправил бы зеркало на чужой машине. Женщина с тряпкой посмотрела на него. Он убрал руку.

Потом он стоял. Не молился — просто стоял. Он не знал, что говорить и кому. Слова, которые приходили в голову, были неправильные, рабочие: «найди», «верни», «сделай что-нибудь». Так он говорил с мастерами. Он стоял и ни о чём не просил, а только держал в кармане сложенную записку и думал о том, как в шесть утра двое ведущих спорили про пельмени.

Минут через десять он вышел. Свечница посмотрела ему вслед. Ничего не сказала.

На крыльце в кармане завибрировал телефон.

Номер был незнакомый. Филипп остановился на ступеньке, как останавливаются на скользком. С декабря каждый незнакомый номер был не номером, а дверью: за ней мог быть кто угодно. Следователь с нового телефона. Волонтёр из другого города. Кто-то, кто видел. Он снял трубку только на четвёртом гудке, потому что первые три стоял и смотрел на экран.

— Филипп Георгиевич? — бодро спросил женский голос. — Вам одобрен кредит на льготных условиях…

Он сбросил. Постоял. Сердце колотилось, как после подъёма на пятый этаж. Ему было пятьдесят пять лет, у него был автоцентр на двенадцать человек и восемь боксов, и его каждый день до полусмерти пугали банки.

Он внёс номер в чёрный список. Список был длинный. Он вёл его аккуратнее, чем журнал цеха.

Записка осталась в кармане куртки.

В машине он открыл контейнер, посмотрел на гречку и котлету и закрыл. Есть не хотелось. Он вообще не хотел есть днём, с декабря. Инга думала, что он на работе забывает. Он не забывал. Он приезжал сюда.

* * *

Вечером он заехал к Ринату.

Гараж у Рината был за домом, кирпичный, тёплый, с печкой-буржуйкой, которую Ринат сварил сам и очень ею гордился. Внутри стояла его старая «Волга» — Ринат чинил её одиннадцатый год и, кажется, не собирался заканчивать, потому что тогда пришлось бы признать, что ездить на ней всё равно не на чем. Гульнара называла «Волгу» его второй женой. Ринат не спорил.

— Садись, — сказал Ринат и подвинул Филиппу табуретку. — Чай будешь?

— Буду.

Ринат налил из термоса, крепкий, с чабрецом. Сам сел на перевёрнутое ведро. Они дружили с девяти лет, с того дня, когда Ринат в школьном дворе отнял у Филиппа велосипед, а через десять минут вернул, потому что не смог его завести, — велосипед был со сломанной цепью. С тех пор Ринат считал, что Филипп ему должен. В чём, не уточнял.

Они долго молчали. С Ринатом можно было молчать, это было удобно.

— Звонили? — спросил Ринат.

— Звонил. Без изменений.

— Волонтёры?

— Говорят, весной водолазы. Когда погода даст.

Ринат кивнул и ничего не сказал про водолазов. Посмотрел в пол, пошевелил губами, будто что-то считал. Филипп подумал, что он считает деньги на запчасти. Ринат всегда так шевелил губами, когда считал.

— Гульнара говорила, ты на Новый год к Тимуру ездил, — сказал Филипп. — На кладбище.

— Ездил. Лейсан каждую пятницу ходит. Я с ней по очереди, когда могу.

Филипп кивнул. Он хотел сказать что-нибудь про Тимура — что тот был хороший парень, что Влад нёс гроб и потом неделю не разговаривал, — но всё это Ринат знал лучше него. У Лейсан был адрес, куда ходить по пятницам. Филипп не знал, завидует он этому или боится, и решил не думать.

— Ты опять туда ходишь, — сказал Ринат. Не спросил.

— Куда?

— Филипп. Я же тебя видел в обед. Ты мимо моего склада ездишь. Каждый день в одно время. Как на смену.

Филипп отпил чаю. Чай был горячий, обжёг язык, и он был этому рад: можно было не отвечать сразу.

— Хожу, — сказал он.

— Помогает?

— Не знаю.

Ринат подбросил в печку полено. Посмотрел на огонь.

— Твой Бог тебе хоть отвечает? Мой хоть по пятницам.

— Твой по пятницам отвечает?

— Мой по пятницам хотя бы слушает. Там народу много, громко. Есть шанс, что услышит. — Ринат помолчал. — А у тебя там тихо, наверно. Тоже неплохо. Если тихо, тоже услышит.

Филипп засмеялся. Неожиданно для себя, коротко, с кашлем. Ринат тоже усмехнулся.

— Инга знает? — спросил Ринат.

— Нет.

— Почему?

Филипп долго не отвечал. Он не знал почему. То есть знал, но не словами. Если сказать Инге, что он каждый день ходит в церковь, она спросит, о чём он там просит. А он не просит. Он стоит. Инга этого не поймёт. Инга верит в документы, в звонки, в тетрадь с четырьмя столбцами. В тетради нет столбца для того, чтобы стоять.

— Не знаю, — сказал он.

— Скажи ей.

— Зачем?

— Затем, что она тоже, наверно, куда-то ходит. И тоже не говорит. — Ринат вытер руки о тряпку. — Так вы и будете ходить по разным местам, каждый со своим. Я тридцать лет женат, Филипп. Я знаю, как это начинается.

Филипп допил чай. Встал.

— Спасибо за чай.

— Скажешь?

— Посмотрим.

Ринат кивнул, как кивают на «посмотрим», то есть не поверил. Проводил его до ворот. И когда Филипп уже сел в машину, Ринат постоял ещё, глядя ему вслед, и снова что-то сказал губами — без звука, быстро. Филипп увидел это в зеркале и решил, что Ринат ругается на замок ворот, который заедал всю зиму.

* * *

Дома горел свет на кухне.

Он вошёл, снял ботинки. Кими выбежала навстречу, обнюхала его ноги, пахнущие гаражом и чабрецом, чихнула и ушла обратно, не одобрив. Филипп повесил куртку на крючок, взял контейнер и пошёл на кухню — убрать его в холодильник раньше, чем Инга увидит, что он полный.

Инга сидела за столом. Перед ней лежала его вторая куртка — рабочая, зимняя, которую он носил до конца февраля, пока не потеплело. Видимо, она собралась её стирать. Она всегда проверяла карманы перед стиркой: в девяносто восьмом году Филипп постирал в кармане зарплату, и Инга это запомнила навсегда.

На столе рядом с курткой лежали записки.

Много. Она разложила их ровными рядами, по десять, как раскладывала студенческие работы перед проверкой. Сложенные пополам, некоторые смятые, некоторые почти целые. На каждой сверху был крестик и слова «О здравии». И на каждой — одно имя, его почерком, синей автоцентровской ручкой.

«Владислава». «Владислава». «Владислава».

Филипп стоял с контейнером в руках.

— Семьдесят девять, — сказала Инга. Она не подняла головы. — Я посчитала.

Он молчал.

— С декабря. Каждый день.

Он молчал.

Инга взяла одну записку, развернула. Посмотрела на неё. Потом подняла глаза — не на него, на контейнер в его руках. Полный, с защёлками. Посмотрела на контейнер долго, будто читала.

— Ты их не отдаёшь, — сказала она.

Это был не вопрос. Филипп поставил контейнер на стол, рядом с записками. Зимой он складывал их во внутренний карман рабочей куртки, весной перешёл на другую — и начал складывать туда. Мартовские, вместе с сегодняшней, лежали в кармане другой куртки, на крючке в прихожей. Он это знал. Инга — ещё нет.

Глава 3. Оттенок не совпадает

К Владу. Только к Владу!!! (клиент настаивает)

— Журнал цеха

Клиент приехал на синей «Шкоде» и с претензией:

— Мне к Владу. Он мне в прошлый раз так сделал, что жена думала, я новую купил.

Оля за стойкой посмотрела на Филиппа. Филипп посмотрел на «Шкоду». Синий металлик, левая передняя дверь вмята и ободрана — классика, столбик на парковке у «Магнита». Крыло рядом было идеальное. Крыло Филипп помнил: прошлой осенью, сентябрь, клиент въехал в отбойник на трассе. Красил Влад.

— Влада нет, — сказал Филипп. — Сделаем.

— А кто сделает?

— Игорь. Маляр.

— Игорь мне в позапрошлом году бампер красил, — сказал клиент. — Бампер до сих пор другого цвета. Я жене говорю — это свет такой. Она говорит — это Игорь такой.

Филипп не стал спорить. Про бампер клиент был прав.

— Ладно, — сказал клиент. — Только чтобы как в тот раз.

— Как в тот раз не будет, — сказал Филипп. — Будет как получится. И быстро не обещаю: цвет подбирать — это несколько дней. Если не попадём — перекрасим.

Клиент подумал и решил, что это честнее, чем он ожидал. Оставил ключи.

Уже в дверях он обернулся.

— А Влад когда будет?

Оля опустила глаза в журнал. Клиент был не местный, из Старотитаровской, ориентировок на их остановках, видимо, не висело. Или висело, а он не смотрел: люди смотрят на остановках расписание, а не лица.

— Пока не будет, — сказал Филипп.

— В отпуске, что ли?

— Нет.

Клиент подождал продолжения. Продолжения не было. Он пожал плечами — в отпуске так в отпуске, — и ушёл к остановке. Оля записала в журнал: «Шкода, дверь л/п, синий мет.». Подумала и приписала сбоку, мелко, как пишут для себя: «К Владу».

Утром он полез в кухонный ящик за батарейками для пульта от ворот цеха и увидел записки. Инга сложила их стопкой и перетянула резинкой — жёлтой, от пачки квитанций. Филипп взял батарейки и закрыл ящик. За завтраком они говорили о том, что кончилось молоко и что Нелли Эдуардовна опять звонила и просила привезти ей рассаду, хотя сажать её было некуда. Инга сказала, что он мог бы и сам съездить в магазин хоть раз в неделю. Он сказал, что съездит. Она сказала, что он так говорит каждую неделю. Про ящик не сказал никто.

* * *

Цвет — это не краска. Влад говорил это так часто, что Филипп однажды попросил написать на стене, чтобы не повторять. Влад написал. Маркером, на двери подсобки, кривыми буквами: «ЦВЕТ — ЭТО НЕ КРАСКА». Ниже кто-то из мастеров приписал: «А ЧТО?» Ответа там так никто и не написал.

Код краски был на табличке в проёме двери — три буквы и цифра. По коду компьютер в смесительной выдавал формулу: сколько граммов какой базы, сколько связующего, сколько алюминиевого пигмента, чтобы был металлик. Игорь взвешивал всё на электронных весах, капля к капле, до десятой доли грамма. Делал выкрас — брызгал краску на картонную карточку, сушил под лампой, прикладывал к машине.

К обеду он прикладывал уже четвёртую.

— Ну смотрите, Филипп Георгиевич, — Игорь держал карточку у крыла. — По коду же. Всё по коду.

Филипп смотрел. Под лампой в цеху карточка и крыло были одного цвета. Он выкатил «Шкоду» на улицу, на солнце. На солнце карточка была синяя. Крыло тоже было синее. Но это были два разных синих, как два разных человека в одинаковых куртках.

— Зеленит, — сказал Филипп.

— Где зеленит?

— Вот тут, под углом. Отойди. Вот отсюда.

Игорь отошёл, присел, посмотрел сбоку. Металлик на крыле переливался одним цветом, на карточке — другим, чуть холоднее, с серым. Игорь посмотрел ещё и признал, что, может, и зеленит. Но это не он, это машина. Машины выгорают. Завод красит партиями. У одной «Шкоды» синий такой, у другой немножко другой. Это все знают.

Это действительно все знали. Поэтому любой маляр умел подобрать краску по коду, а к Владу записывались за месяц.

Влад формул не любил. Он брал формулу как начало разговора, а не как ответ. Выкатывал машину на свет, смотрел — долго, иногда минут десять, клиенты нервничали. Потом уходил в смесительную, капал в банку из трёх-четырёх разных пигментов — по капле, по полкапли, — мешал, брызгал, приносил, смотрел, уходил опять. Иногда три раза. Иногда семь. Когда попадал, он ничего не говорил. Просто переставал ходить.

Всё, что он туда капал сверх формулы, Влад записывал в блокнот. Маленький, в чёрной обложке, с резинкой. Блокнот лежал у него в нагрудном кармане комбинезона, и никому из мастеров даже в голову не приходило попросить посмотреть. Это было как попросить посмотреть чужой телефон. Даже цвет «Нивы» Влад смешал сам, свой, без всякого кода. Если «Ниву» поцарапают, подобрать будет не по чему.

Комбинезон висел в подсобке на крючке. Филипп проверил его в январе. Карманы были пустые.

— Давайте я ещё раз попробую, — сказал Игорь. — Синего добавлю.

— Не синего, — сказал Филипп. — Что-то другое.

— А что?

Филипп не знал.

После обеда он сделал то, чего не делал с января: обошёл цех и спросил про блокнот.

Петрович, кузовщик, который работал с Филиппом ещё в гаражах девяностых, когда никакого автоцентра не было, снял очки и долго протирал их краем футболки.

— Чёрненький такой? С резинкой? Он его в карман клал. Всегда. Даже когда в туалет шёл — в карман. Я ему говорил: ты его ещё в камеру с собой возьми, на нём краска будет. Он говорил: она и так там есть.

— В подсобке смотрел?

— Смотрел. Ещё в декабре. Там нет.

Саша-шиномонтажник не знал, о каком блокноте речь, и честно предложил посмотреть в Олином столе, потому что там можно найти всё. Оля в своём столе посмотрела и нашла: две чужие флешки, ключ от неизвестной машины и шоколадку, которую, как она призналась, прятала от Саши.

Руслан сидел в электрическом боксе над разобранной фарой. Когда Филипп спросил, он не поднял головы.

— С собой, наверное, взял, — сказал он фаре. — Он же туда… ну. Туда поехал.

Филипп подождал, не скажет ли он ещё что-нибудь. Руслан взял отвёртку, положил, взял другую. Уши у него были красные, как у Эрика за субботним столом, — Филипп отметил это мимоходом и не понял, к чему.

— Ладно, — сказал Филипп. — Работай.

* * *

В половине второго, когда Филипп вернулся — он не обедал, Оля уже не спрашивала, — в кабинете его ждал человек в кашемировом пальто.

Человек сидел на стуле для клиентов так, будто стул был ему мал, — и стулу, и кабинету, и всему Темрюку. Представился: Аркадий, из Краснодара, коллекционер, восстанавливает и покупает немецкую классику девяностых. У него в телефоне была фотография.

Фотография была Владова. Филипп узнал её сразу: прошлая весна, апрель, «Ауди сотка» стоит на площадке перед автоцентром, только что из покраски. Вишнёвый металлик, хром, новые уплотнители. Влад выложил это фото в интернет с подписью, которую Филипп тогда не понял: «Восемь лет. Два человека. Ни одной ссоры о главном». Под фотографией было четыреста лайков и один комментарий от Аркадия.

— Я ему писал прошлым летом, — сказал Аркадий. — Он ответил, что не продаётся. Я подумал — может, сейчас…

Он не договорил. Наверное, тоже читал ориентировку. В Темрюке её читали все, а в Краснодаре, видимо, тоже кое-кто.

— Не продаётся, — сказал Филипп.

— Я понимаю. Я просто хотел сказать — я дам хорошую цену. Очень хорошую. И я её не испорчу, у меня своя мастерская, я…

— Не продаётся.

— Можно хотя бы посмотреть на неё? Вживую. Я ради этого ехал.

— Она дома, в гараже. Под чехлом.

— Под чехлом, — повторил Аркадий так, будто ему сказали, что картину в музее повесили лицом к стене. — На ней кто-нибудь ездит?

— Нет.

Аркадий хотел что-то сказать про то, что машины портятся, когда на них не ездят, — Филипп видел, как эта фраза поднялась у него к горлу, — и не сказал. Это Филипп ему засчитал.

Аркадий кивнул. Положил на стол визитку — плотную, с тиснением. Филипп не взял её в руки. Аркадий встал, застегнул пальто, у двери остановился.

— Ваш сын очень хорошо её покрасил, — сказал он. — Я такой работы на юге не видел. Я не льщу. Я в этом разбираюсь.

Он ушёл. Визитка осталась на столе. Филипп смотрел на неё минут пять, потом убрал в ящик, лицом вниз, под пачку накладных.

Восемь лет они делали эту машину. Купили её в шестнадцатом году за копейки, у деда в Тамани, у которого она стояла в курятнике. Влад только что пришёл из армии. Куры на ней сидели, как на насесте. Первые два года Филипп делал её один, а Влад приходил, смотрел и говорил, что всё неправильно. Потом начал делать сам. Потом они начали делать вместе, и это было хуже, потому что вместе они ругались из-за всего: из-за подвески, из-за салона, из-за того, какой шуруп куда. Ни одной ссоры о главном. Филипп перечитал эту подпись уже после декабря и впервые подумал, что Влад тогда имел в виду.

Цвет для «Ауди» Влад тоже выбирал сам. Филипп хотел заводской, родной, серый, — как было, когда её привезли из Германии в девяносто первом, если верить деду из Тамани. Влад сказал, что серый — это цвет, который выбирают люди, когда боятся выбрать. Филипп сказал, что ему пятьдесят лет и он ничего не боится. Влад сказал: «Вот и выбери вишнёвый». Они не разговаривали неделю. Через неделю Филипп пришёл в гараж и увидел, что левое крыло уже вишнёвое, пробное, и что при закатном свете оно горит, как головешка в мангале. Он постоял, посмотрел и сказал: «Ладно. Только хром не трогай». Хром Влад, конечно, тоже потрогал.

* * *

Это было в позапрошлом мае. «Камри» директора рыбзавода, капот и крыша, белый перламутр — самый капризный цвет, какой бывает. Директор просил к пятнице: в пятницу у него свадьба дочери, и на «Камри» должны были везти молодых.

В среду вечером Филипп зашёл в покрасочную камеру. Влад стоял у капота и ничего не делал.

— Ты чего стоишь?

— Жду.

— Чего ждёшь? Тебе в пятницу отдавать.

— Второй слой сохнет.

— Так поставь сушку посильнее.

— Пап. — Влад даже не обернулся. — Если я поставлю сильнее, будет шагрень. Он будет у дочки на свадьбе стоять, и все будут думать, что у него капот из апельсиновой корки.

— Никто не будет думать. Никто не смотрит на капоты на свадьбе.

— Я смотрю.

— Ты не идёшь на эту свадьбу.

— Я не про эту свадьбу. Я вообще смотрю.

— Влад, человек ждёт. Он заплатил. Мажь давай.

Тогда Влад обернулся. Он был в респираторе, сдвинутом на лоб, с пятном перламутра на щеке, и Филиппу на секунду показалось, что сын сейчас скажет что-то очень обидное. Влад сказал:

— Пап, я не мажу. Я крашу.

И снова отвернулся к капоту.

Филипп вышел из камеры злой. Позвонил директору и сказал, что машина будет в субботу утром. Директор орал. В субботу в семь утра Влад отдал машину, и директор, увидев капот, перестал орать на полуслове и сфотографировал его на телефон. Потом привёз Владу коньяк. Влад не пил коньяк. Он отдал его Филиппу и сказал:

— Это тебе. За то, что ты ему позвонил.

* * *

Вечером цех опустел. Мастера ушли в шесть, Оля в семь, Игорь задержался до восьми, сделал пятую карточку, сам посмотрел на неё и сказал, что ему надо подумать. «Шкода» так и стояла на площадке у ворот, без двери. Дверь Игорь снял, выправил, загрунтовал, и она висела в покрасочном боксе на стойке и ждала цвета.

Филипп остался.

Он не знал, зачем. Он не был колористом. Он тридцать лет назад начинал с карбюраторов, потом были двигатели, потом своё дело, и за это время он научился отличать плохую покраску от хорошей, но не научился делать хорошую. Это умел Влад. Это нельзя было передать по наследству, как автоцентр.

Он подошёл к двери «Шкоды» на стойке. Дверь была серая от грунта, ровная, Игорь вычистил её хорошо, тут не придерёшься. Филипп провёл по ней ладонью — привычка, как у Влада, проверять поверхность рукой, а не глазами. Влад говорил, что глаз врёт, а рука нет. Рука ничего не сказала Филиппу. Дверь как дверь.

Он зашёл в смесительную. Включил свет и вытяжку, снял с полки свой респиратор, которым не пользовался, наверное, год, и вставил в него новые фильтры из Владовой коробки — Влад всегда держал запас и ругался, если кто-то брал без спроса. Банки с пигментами стояли на полках рядами, с номерами на крышках. Где-то тут был тот, который Влад добавлял, когда «зеленит». Филипп не знал какой. Он брал банки, открывал, смотрел на цвет пасты на крышке, ставил обратно. Даже через респиратор пахло растворителем.

Он взял формулу Игоря, взвесил базу, как учили. Добавил каплю чёрного. Подумал, добавил каплю чего-то фиолетового с номером на крышке, потому что фиолетовый показался

ему противоположностью зелёного. Размешал. Налил в пистолет, брызнул на чистую карточку. Пистолет плюнул, карточка покрылась пятнами, как леопард.

Он вымыл пистолет. Попробовал ещё раз. Вышло ровнее.

Первую, леопардовую, карточку он хотел выбросить и уже донёс до бака. Потом вернулся, нашёл в подсобке скотч и приклеил её на дверь, под надпись «ЦВЕТ — ЭТО НЕ КРАСКА» и под чужое «А ЧТО?». Ответом это не было. Но хоть что-то там теперь висело.

Вторую карточку он высушил под лампой, вынес на улицу, к фонарю, приложил к крылу «Шкоды», которую Игорь так и не закатил обратно.

Было темно, и при фонаре синее было вообще никаким. Серым. Филипп понял, что это глупо — проверять цвет ночью, — и всё равно стоял.

Потом вернулся в цех. Свет в смесительной он оставил включённым, а в самом цеху погасил, и в полутьме цех был большой и гулкий, как пустой бассейн. Компрессор отключился, остывал, тикал. Где-то капало. Пахло растворителем.

— Пап.

Филипп остановился.

Это было сказано не громко. Обычно — так, как Влад говорил, когда звал из камеры: «Пап, глянь», «Пап, подай», «Пап, иди сюда, посмотри, что они сделали». С ударением на «а», чуть врастяжку. Из угла, где стояла покрасочная камера.

Компрессор щёлкнул клапаном и выпустил воздух. Длинно, с присвистом.

Филипп стоял и слушал. Больше ничего не было. Капало. Тикал остывающий металл. В смесительной гудела лампа.

Он знал, что это клапан. Компрессору было двенадцать лет, клапан меняли в ноябре, и новый свистел ещё сильнее старого, все жаловались. Он знал это так же твёрдо, как знал, что картон под фонарём серый, а не синий.

И всё равно он стоял и ждал. Минуту. Две. Может быть, дольше.

Потом пошёл к камере. Открыл дверь. Внутри было пусто и чисто, решётка на полу, лампы под потолком. На стене висел старый Владов респиратор — запасной, с треснувшим ремешком, который Влад всё собирался выбросить и не выбрасывал. Филипп снял его с гвоздя, подержал. Повесил обратно, тем же ремешком наружу.

Он никому об этом не скажет. Ни Инге, ни Ринату. Инге — потому что Инга спросит, что именно он слышал, и запишет. Ринату — потому что Ринат не станет спорить, и от этого будет ещё хуже.

Он выключил свет в смесительной, закрыл цех и поехал домой.

Дома было темно, Инга спала. На кухонном столе стояла пачка молока — она купила сама. Записка рядом: «Купила. И.». Он постоял над запиской, потом убрал молоко в холодильник. Ящик стола открывать не стал.

* * *

Утром Игорь пришёл раньше всех и ждал его у ворот, ещё в куртке, с термосом, как дед из очереди.

— Филипп Георгиевич, я там видел, вы ночью мешали. Карточки остались.

— Остались.

— Ну… — Игорь помялся. — Ну, это не то. Фиолетового много. Оно в другую сторону ушло.

— Я знаю.

— Я не в обиду.

— Я знаю, Игорь.

— А на двери подсобки — это вы приклеили? Пятнистую?

— Я.

— Петрович уже видел. Говорит, наконец-то кто-то ответил по существу.

Филипп не улыбнулся, но Игорь, кажется, понял, что тот был близок.

Игорь помолчал. Посмотрел на «Шкоду», на дверь на стойке, на свои ботинки.

— Филипп Георгиевич, — сказал он наконец, — колориста нового бери. Очередь на месяц. Я не вытягиваю, я честно говорю. Люди в Анапу уходят. Вчера трое звонили, я сказал — через три недели. Они сказали — нам в Анапе сделают на этой неделе.

Филипп молчал.

— Ну, вы подумайте, — сказал Игорь и пошёл в цех.

Филипп остался у ворот. Он думал о том, что в Темрюке нет колористов. Есть в Анапе, есть в Краснодаре, есть хороший в Новороссийске, но он у дилера, и к дилеру его не переманишь. Он думал, что нового колориста придётся пустить в смесительную, к полкам, к весам, к двери подсобки с надписью маркером. И что новый колорист, наверное, первым делом спросит, где тут у прежнего записи.

И что ответить будет нечего. Блокнота нет. Он пропал вместе с Владом — Филипп думал так с января, когда проверил пустые карманы комбинезона, и не думал иначе.

Глава 4. Абонент временно недоступен

Ты выехал? — 15:42

Где ты? — 19:10

Влад. — 22:37

— Сообщения Алины

Первые сутки Алина злилась. Этого она себе потом простить не могла — что первые сутки злилась.

Злилась она с утра, ещё ничего не зная, просто на всякий случай. Влад уехал вчера утром. Перед отъездом написал коротко, как всегда: на пару дней, вернусь — увидимся. Без смайликов, без «скучаю». Она ответила: «Хорошей дороги». Тоже без смайликов, из принципа. Принцип у неё был такой: если человек не ставит смайлики, ты тоже не ставишь, иначе выходит, что ты бежишь, а он идёт.

Весь вчерашний день, пока он ехал, он молчал. Это было понятно: дорога. Вечером тоже молчал. Это было уже менее понятно, но она решила, что он устал, и легла спать с телефоном под подушкой, как в девятом классе. Она хотела написать «Доехал?» — и не написала. Пусть сам. Это тоже был принцип. А сегодня он должен был выезжать обратно.

В реабилитационном центре на Ленина у Алины было семь пациентов до обеда и четыре после. Первой пришла Зоя Николаевна, семьдесят один год, новое колено, характер старый. Зоя Николаевна считала лечебную физкультуру издевательством над пожилыми людьми, а Алину — лично ответственной за то, что колено не гнётся.

— Ещё раз, — сказала Алина. — Медленно. Носок на себя.

— Я и так на себя.

— Это не на себя. Это в сторону Анапы.

Зоя Николаевна фыркнула и потянула носок. Алина любила таких. С ними было честно: они ругались, но работали. Гораздо хуже были те, кто улыбался, кивал и дома ничего не делал.

Между Зоей Николаевной и мужчиной после инсульта Алина посмотрела в телефон. Ничего. Между мужчиной после инсульта и мальчиком со сколиозом — тоже ничего.

В обед она сидела в ординаторской с йогуртом и думала о том, что полгода — это вообще-то мало. Полгода — это когда ещё можно отступить, не потеряв лица. Её подруга Кристина говорила, что мужчины остывают на четвёртом месяце, а на шестом уже ищут повод. Алина тогда сказала, что Кристина судит по своему Денису. Кристина сказала, что все одинаковые.

В 15:42 Алина написала: «Ты выехал?»

Сообщение ушло. Ответа не было.

Она убрала телефон в карман халата и пошла к мальчику со сколиозом.

* * *

Полгода назад, в июне, он подошёл к ней на набережной и спросил, где тут можно купить нормальный кофе, а не то, что продают в киосках. Она сказала: нигде, это Темрюк. Он сказал: тогда покажите ненормальный, но хотя бы с видом. Она показала. Кофе был ужасный, вид хороший.

Он был не похож на тех, кто у неё был раньше. Те говорили о себе. Влад говорил о машинах, о красках, о каком-то деде, который умер давно, но всё равно, кажется, был жив у него в голове. Он не дарил цветов — один раз подарил, тюльпаны в июле, где-то же достал, — зато однажды приехал к ней в шесть утра и без предупреждения повёз смотреть, как рыбаки на лиманах выбирают сети. Она была в пижаме под курткой и злилась всю дорогу, а потом не злилась.

В сентябре он повёз её в Архыз. Перепутал дорогу ещё на въезде, свернул не туда и полчаса вёз её по гравийке, уверяя, что так короче. Короче не было. Был обрыв, туман и корова посреди дороги, которая смотрела на «Ниву» так, будто «Нива» ей должна. Влад вышел и долго разговаривал с коровой, пока Алина фотографировала его со спины. Потом он фотографировал её — на фоне гор, на фоне облаков, на фоне той же коровы.

Вечером, у костра на турбазе, он рассказывал про деда. Как дед учил его грести на Волге, как говорил, что весло надо класть поперёк бортов, а не бросать на дно, потому что вёсла обижаются. Как у деда была собака Мэри, которая не любила свою будку.

— Я тебе покажу, — сказал Влад. — Где научился грести. Там дом. Он старый, но крепкий.

— Когда?

— Покажу, — сказал он и подбросил в костёр ветку.

Она тогда решила, что это одно из тех обещаний, которые мужчины дают у костров. А в октябре он привёл её к своим родителям — ужин, мама, которая всё время предлагала добавку и сама ничего не ела, отец, который молчал, и маленькая собака, которая сначала облаяла Алину, а потом уснула у неё на коленях. Мама сказала: «Кими так ни с кем не делает». Алина поняла, что это комплимент, но не поняла кому.

Второй раз она видела их, когда Влад высаживал её у своей калитки, а мама смотрела из окна. Алина помахала. Мама кивнула. До декабря больше они не встречались.

* * *

В 19:10 Алина написала: «Где ты?»

Она была уже дома, в своей съёмной однушке у рынка. Сидела на диване, ела гречку из кастрюли и смотрела на первое сообщение, под которым ничего не появлялось. Значит, он едет и там нет связи. На трассе бывают дыры по сто километров. Или сел телефон. У Влада вечно садился телефон, он заряжал его от машины и вечно забывал провод.

Или он просто не хочет.

Она отложила кастрюлю. Подумала, не позвонить ли. Позвонила. «Абонент временно недоступен или находится вне зоны действия сети». Женский голос, вежливый и равнодушный, как администратор в гостинице, где нет мест.

Можно было позвонить его маме. Номера у неё не было, но можно было написать Майе — Алина была подписана на неё, они даже переписывались однажды, когда Майя хотела заказать для Алины подарок, спросила размер и потом передумала. Можно было написать Майе: «Привет, это Алина. Влад не выходит на связь, вы не знаете, всё в порядке?»

Алина представила, как это прочитает Майя. Как Майя покажет маме. Как мама — та самая, которая кивнула из окна, — посмотрит на экран и скажет: «Это та девочка? Полгода, а уже бегает». Или не скажет, а только подумает, что ещё хуже. Как Влад вернётся, ему перескажут, и он посмотрит на неё так, как смотрят на человека, который устроил скандал из-за пустяка.

Она не написала Майе.

Она написала Кристине: «Он не отвечает со вчерашнего утра».

Кристина ответила через минуту: «Ну я же говорила. Шестой месяц».

Алина положила телефон экраном вниз и пошла мыть кастрюлю. Мыла долго, тщательно, с содой, хотя кастрюля была чистая.

* * *

В 22:37 она написала: «Влад».

Просто имя. Без точки, без вопроса. Потом подумала и поставила точку. «Влад.» С точкой это было уже не имя, а претензия. Она хотела, чтобы он это почувствовал.

Ответа не было.

Она легла. Не спала. Думала то одно, то другое. Он разбился. Нет, если бы разбился, ей бы уже кто-нибудь сказал. Кто? Кто бы ей сказал? Она ему никто. Не жена, не невеста. Даже в телефоне у него, наверное, записана просто «Алина». Она не знала, как он её записал. Она ни разу не посмотрела.

Потом она думала, что он у кого-то. Что «пара дней» — это не дела, а женщина, и что она, Алина, просто последней узнаёт. Эта мысль была невыносимая, и поэтому, наверное, она в неё почти поверила. С этой мыслью было легче. В ней хотя бы было кого ненавидеть.

В 23:51 зазвонил телефон.

Номер был незнакомый. Алина смотрела на него три гудка. На четвёртом взяла.

— Алина? — Мужской голос, низкий, хриплый, будто человек долго молчал. — Это Филипп. Отец Влада. Номер мне Майя дала. Вы извините, что поздно.

Она села на кровати.

— Он… Он у вас? Он не… Он вам не звонил?

Пауза. Длинная.

— Значит, и вам не звонил, — сказал Филипп.

И в этот момент — она потом вспоминала это много раз, — в эту самую секунду злость кончилась. Не постепенно, не так, как кончается обида, когда человек просит прощения. Просто кончилась, как кончается свет при отключении. Секунду назад она злилась, а теперь ничего не было, и на месте злости стоял холод.

Филипп говорил коротко. Влад был под Волгоградом, в доме у деда. Собирался сегодня закончить ремонт и выехать. Не приехал. Телефон недоступен. Соседка ходила с фонариком — машина стоит, дом заперт, света нет. Они с другом выезжают сейчас. Если Влад ей напишет — пусть она сразу позвонит. Сразу. В любое время.

— Под Волгоградом, — повторила Алина.

— У деда. Там дом.

Где научился грести, подумала она. Он туда поехал. Он мне не сказал.

— Можно я с вами? — спросила она.

— Не надо, — сказал Филипп. Не грубо. Просто так, как говорят, когда уже некогда объяснять. — Я позвоню.

Он отключился. Алина сидела на кровати с телефоном в руке и смотрела на свои три сообщения. Все три стояли без ответа. Последнее, с точкой, теперь казалось ей самым страшным, что она когда-либо писала.

Она нажала на него и удалила точку. Сообщение уже ушло, точку нельзя было удалить из того, что ушло. Она удалила всё сообщение — у себя. У него, если он когда-нибудь включит телефон, оно останется.

Утром она пошла на работу. Можно было позвонить, сказаться больной, — никто бы не спросил. Но дома был телефон, который не звонил, и кастрюля, которую больше нечем было мыть.

Зоя Николаевна пришла первой, как всегда, и с порога сообщила, что колено ночью ныло из-за Алины.

— Носок на себя, — сказала Алина.

Зоя Николаевна потянула носок и посмотрела на неё снизу.

— Что с лицом?

— Ничего.

— У меня внук так говорит «ничего», когда двойку получил. Что с лицом, я спрашиваю.

Алина сказала. Коротко, в трёх словах, не глядя: человек пропал, её человек, вчера. Зоя Николаевна ничего не ответила. Она не сказала «найдётся» и не сказала «держись». Она молча сделала все двадцать повторений, без единой жалобы, первый раз за месяц. Потом сделала ещё десять, которых Алина не просила. Потом встала, взяла палочку и ушла, не попрощавшись.

На следующий день она принесла Алине банку мёда и поставила на стол так, будто это был не мёд, а претензия к администрации.

* * *

Через три дня ей позвонила Инга.

Голос у Инги был ровный, деловой, как у человека, который читает с листа. Нужна фотография для ориентировки. Свежая. Те, что есть у семьи, — двухлетние: Влад не любил фотографироваться, а те, где он есть, — с коллективом автоцентра, в каске, на корпоративе. Может быть, у Алины есть что-нибудь недавнее.

У Алины было сто сорок фотографий. Сочи, июль: Влад в белой футболке, щурится на солнце, держит две кукурузы — одну себе, одну ей. Кукурузу продавала бабушка на пляже, и Влад торговался с ней десять минут, не ради денег, а потому что бабушка торговалась с удовольствием. В конце бабушка дала вторую бесплатно и сказала Алине, что такого надо брать, пока не увели. Архыз, сентябрь: со спины, разговаривает с коровой. Набережная, август: просто стоит и смотрит на неё, не позирует, не улыбается, просто смотрит.

Она выбрала сочинскую. Обрезала кукурузу. Потом посмотрела, как он без кукурузы держит руку у груди, неловко, будто клянётся, и вернула одну. Отправила Инге два варианта.

Инга ответила через минуту: «Спасибо. Возьмём первую». Первая была без кукурузы.

Через день эта фотография была везде. На остановках. На двери «Пятёрочки». В группе города, в чате волонтёров, у неё в ленте, у Кристины в ленте, у Зои Николаевны в «Одноклассниках». Влад щурился на солнце со всех экранов, и под каждым экраном люди писали «держитесь», «найдётся», «вот увидите». Никто из них не знал, что в другой руке у него кукуруза. Это знала только Алина.

Через неделю после ориентировки ей написал незнакомый номер. Мужчина, вежливый, грамотный, без единой ошибки, что почему-то пугало больше всего. Он сказал, что знает, где Влад. Что Влад жив, но у него проблемы, и что за информацию нужно перевести сорок тысяч, — не ему, конечно, а «человеку, который рискует». Алина держала телефон двумя руками и минут десять верила. Потом позвонила Инге. Инга выслушала, не перебивая, и сказала: «Перешлите мне номер. Это третий за неделю». Голос у неё не изменился. Алина поняла, что Инга за эту неделю научилась тому, чему сама Алина ещё не научилась: не верить сразу. И что эта наука, наверное, стоила дороже сорока тысяч.

Новый год она встречала у Кристины. Там был Денис, Денисов друг, чей-то торт и телевизор, который никто не смотрел. В двенадцать все обнимались. Алина обнималась тоже — с Кристиной, с Денисом, с другом Дениса, которого видела впервые. Потом вышла на балкон и посмотрела в телефон. Ничего не пришло. Она и не ждала. Она просто посмотрела, как смотрят на часы, которые давно стоят.

Кристина вышла следом с двумя бокалами и не сказала про шестой месяц. Ни тогда, ни потом. Алина это запомнила.

* * *

В апреле потеплело. В чате волонтёров, где Алина состояла с декабря и где почти ничего не писала, координатор выложил короткое сообщение: водолазы отработали береговую зону и затоны в районе дома. Результата нет. Ниже — сорок семь реакций в виде сердечек и одна в виде свечки. Алина посмотрела на свечку долго. Потом нашла, кто её поставил, — незнакомая женщина из Камышина, — и почему-то возненавидела её больше, чем кого-либо за всю зиму.

В тот же вечер она сделала то, чего не делала с декабря, потому что боялась: нашла статистику.

Она знала, что найдёт. Она давно знала эти цифры по обрывкам чужих разговоров, по заголовкам, мимо которых проходила. Теперь прочитала полностью. Крупный поисковый отряд писал, что если искать в первые сутки, большинство людей находят живыми — почти всех. К третьим суткам — уже примерно половину. Там было много оговорок: речь в основном

о тех, кто потерялся в лесу, в поле, на природе, — о грибниках, о стариках с деменцией, о детях. Алина оговорки прочитала. А потом закрыла страницу и помнила только цифры.

Тот день. Она потратила его на то, чтобы злиться. Чтобы мыть чистую кастрюлю. Чтобы ставить точку после имени.

Она понимала: Филипп узнал бы о пропаже всё равно в тот же вечер. Она понимала, что её звонок в семь вечера, скорее всего, ничего бы не изменил. Что дом был заперт и «Нива» стояла у калитки ещё утром, когда она даже не начала злиться. Она это всё понимала головой.

Родителям Влада она так и не сказала. Ни про сообщения, ни про точку, ни про то, что весь тот день злилась и думала про другую женщину. Инга звонила ей несколько раз — уточнить, спросить, не вспомнила ли она чего-нибудь, — и каждый раз Алина собиралась сказать и не говорила. Это было бы похоже на исповедь, а Инга не была священником. Инга была матерью, которой и так хватало.

Иногда Алина хотела спросить про Кими: как она, спит ли, ест ли. И тоже не спрашивала. Ей казалось, что она не имеет права спрашивать про собаку человека, с которым даже не жила.

* * *

На следующий день в ординаторской медсестра Лена спросила, как она.

Лена была хорошая. Лена приносила ей домашнее печенье и спрашивала искренне.

— Нормально, — сказала Алина.

— Слушай, а ты вообще… — Лена помялась. — Ты не слишком? Ну, в смысле, ты так переживаешь. Вы же даже не жили вместе.

Алина посмотрела на неё.

Она не знала, что ответить. На это не существовало ответа. Не жили. Полгода. Не невеста. Ни один документ в мире не подтверждал, что она имеет право на то, что чувствует. Если бы его нашли — живым или нет, — её бы не позвали первой. Её бы, может, не позвали вообще. Она ему никто, это правда. Это было единственное в этой истории, что было правдой абсолютно точно.

— Не жили, — сказала Алина. — Не успели.

Лена покраснела, извинилась и ушла за печеньем, хотя печенье лежало прямо на столе.

Вечером дома Алина открыла чат волонтёров. Там было новое сообщение — не от координатора, от какой-то женщины, ник «Ольга_Помогаю». Фото: вокзал, зал ожидания, скамейка. На скамейке мужчина в тёмной куртке, капюшон, сидит боком, лицо наполовину видно. Подпись:

«Саратов, сегодня, 14:20. Похож?»

Алина положила телефон на колени. Взяла снова. Подумала, что надо переслать Инге, и тут же — что Инге уже переслали, наверное, двадцать человек. И что Филипп, наверное, сейчас смотрит на эту же фотографию.

Алина увеличила фотографию. Потом ещё. Капюшон, щетина, руки в карманах. Профиль. Влад так не сидел — Влад никогда не сидел, сложив руки в карманы, он всегда что-нибудь крутил: ключи, телефон, крышку от бутылки. Но это была фотография с плохой камеры, издалека, и профиль был похож. Подбородок был похож. Может быть.

Она смотрела на экран и не могла отвести глаз.

Глава 5. Командировка в Краснодар

Проверяем. Пока без результата.

— Сообщение координатора в чате волонтёров

Похожий оказался похожим. Это было самое страшное слово, которое Филипп выучил этой весной. Инга узнала его чуть позже — в шесть сорок утра, из чата.

Она проснулась рано, как теперь просыпалась всегда, и первым делом, ещё не открыв глаза как следует, взяла телефон. Это было как проверить, дышит ли ребёнок в кроватке. Вчерашняя фотография из Саратова висела в чате третьей сверху, под ней — сто двадцать сообщений: «похож», «не похож», «подбородок его», «он так не сидит», «вы не видите, это же старик», «надо проверить». Ночью саратовские добровольцы съездили на вокзал. Мужчины на скамейке уже не было. Дежурный по залу сказал, что тот, кажется, ушёл в сторону привокзальных улиц. Личность установить не удалось. Координатор написал под этим коротко: «Проверяем. Пока без результата».

А ниже, в шесть двенадцать, координатор написал ещё одно:

«Отец Влада выехал в Саратов, будет к обеду. Саратовские, просьба держать с ним связь».

Инга прочитала это дважды. Потом положила телефон на одеяло экраном вниз и полежала, глядя в потолок.

Вчера в восемь вечера Филипп сказал ей, что едет в Краснодар. По делу, по поставщикам, там переночует, завтра к вечеру вернётся. Взял сумку, которую она ему не собирала. Поцеловал её в висок — раньше он так не делал, так целуют больных. Она ещё подумала тогда: странно, что в Краснодар на ночь. Но не спросила. Она перестала спрашивать его, куда он ездит, ещё в марте, когда нашла записки. Решила: у человека должно быть место, куда он ездит без отчёта. Она тогда, кажется, даже гордилась этим своим решением.

Кими спала у неё в ногах, свернувшись так, что было непонятно, где голова. Этого Инга никому не рассказывала. Днём Кими делала вид, что Инга ей никто. Ночью приходила и ложилась в ноги, тёплая, тяжёлая, как мешочек с крупой. Сейчас Кими почувствовала, что Инга не спит, подняла голову и посмотрела с упрёком: рано.

— Он поехал без нас, — сказала ей Инга.

Кими зевнула и легла обратно.

* * *

Она позвонила ему в семь. Длинные гудки. Потом пришло сообщение — короткое, без точки, как он писал всегда, когда вёл машину одной рукой:

«Еду потом»

Она смотрела на эти два слова и пыталась решить, что в них. Там не было ни «прости», ни «я хотел сказать». Там было только то, что он ведёт машину и что разговор будет потом. Это было по-своему честно.

От Темрюка до Саратова было больше тысячи километров. Она знала это, потому что ночью, в декабре, считала все расстояния, какие можно было посчитать: до Волгограда, до Ростова, до Астрахани, до Саратова, до Москвы. Если он выехал в восемь вечера и ехал без остановок, то сейчас он где-то под Камышином. Он всю ночь вёл машину. Один. Ему пятьдесят пять лет, у него давление, которое он не меряет, потому что не хочет знать.

В девять у неё была пара у третьего курса. Она могла отменить. Лаборантка Света предлагала ей с декабря: «Инга Матвеевна, вы только скажите, я всех распущу». Инга ни разу не сказала.

Она поехала.

Тема была — представительство и доверенность. Она объясняла, что доверенность — это письменное полномочие, которое один человек выдаёт другому для представительства перед

третьими лицами. Что представитель действует от имени и в интересах представляемого. Что если он выходит за пределы полномочий, сделка не создаёт обязанностей для того, от чьего имени заключена, — если только тот её потом не одобрит.

Девочка у окна подняла руку.

— Инга Матвеевна, а если человек не давал доверенности, а за него всё равно всё решили? Ну, в жизни. Не в суде.

Инга посмотрела на неё. Девочка спрашивала про своё — про маму, про парня, про общежитие. Инга это видела по лицу.

— В жизни — то же самое, — сказала она. — Пока сам не одобришь, это не твоя сделка.

Девочка записала. Инга подумала, что сказала это себе, и что одобрять она ничего не собирается.

Телефон лежал на кафедре экраном вверх. За полтора часа он загорелся четыре раза. Три — чат волонтёров. Один — Майя: «Мам, не забудь про завтра!!!» Три восклицательных знака. Инга посмотрела на них и не сразу вспомнила, что завтра. Потом вспомнила: зал. Ресторан. Майя договорилась с администратором показать им зал, малый, без колонн, — рассадка, цвет скатертей, где поставить стол для подарков. Завтра в десять.

Инга написала «Да» и тут же забыла снова.

После пары она позвонила Ринату. Не Гульнаре — Ринату, на мобильный, чего не делала, кажется, никогда.

— Ты знал, — сказала она вместо «здравствуй».

Ринат помолчал. Где-то за ним гудел компрессор, — он был на складе.

— Знал, — сказал он. — Он вчера заезжал. Взял у меня термос.

— И ты мне не позвонил.

— Он просил не звонить.

— Ринат. Тридцать лет. Ты меня тридцать лет знаешь.

— Тридцать лет, — согласился Ринат. — И его сорок пять. — Он помолчал ещё. — Инга, я ему сказал, что он дурак. Прямо так и сказал. Он согласился. И поехал. Что мне было делать — колёса ему проколоть?

Она не ответила.

— Он позвонит, — сказал Ринат. — Как только увидит — позвонит. Ты же его знаешь.

— Я думала, что знаю.

Ринат не стал спорить. Он вообще редко спорил, когда понимал, что сейчас любое слово будет лишним. Он только сказал: «Гульнара вечером зайдёт, ладно?» — и Инга сказала «не надо», и Ринат сказал «ну, она всё равно зайдёт», и отключился.

Гульнара зашла в шесть. Принесла чак-чак и банку бульона, посидела сорок минут, ничего не спросила и ушла. Это было именно то, что нужно, и Инга даже не нашла сил её поблагодарить как следует.

* * *

Филипп позвонил в три часа дня.

Она была дома, на кухне. Сидела над тетрадью и ничего в неё не писала. Перед ней был открыт апрельский разворот, и последняя запись в столбце «Что сделано» была её почерком: «Саратов, фото. Ф. поехал. Без меня». Она написала её в полдень, перечитала и не смогла понять, к какому столбцу относится «без меня». Оставила.

— Да, — сказала она в трубку.

— Нашёл, — сказал Филипп. Голос у него был тусклый, ровный, как после ночной смены. — Не Влад.

Она закрыла глаза.

Не он.

Она не знала, что делать с этими двумя словами. Утром она боялась, что он — и что тогда начнётся то, о чём она запрещала себе думать: больница, или полиция, или хуже — Влад, который не узнаёт, Влад, который не хочет домой. Весь день она боялась, что не он, — и что тогда ничего не начнётся, всё останется как было, и завтра нужно будет снова открывать чат в шесть сорок. Теперь второе случилось. Это было облегчение. Это было как будто её вывели из комнаты, где вот-вот должно было что-то обрушиться, — в ту же самую комнату, только с другой стороны двери.

Потом он рассказывал — недолго, по-своему: без подробностей, будто зачитывал накладную. Мужика нашёл саратовский волонтёр, парень на велосипеде, по описанию дежурного — в кафе у вокзала, где беляши и чай, — и позвонил Филиппу, когда тот въезжал в город. Филипп доехал за десять минут. Мужика зовут Костя. Сварщик, работает вахтой. Ехал к матери в Петровск, ждал электричку, задремал на скамейке. Похож. Правда похож — подбородок, рост, куртка такая же. Но не Влад. Совсем не Влад. Когда Филипп к нему подошёл, Костя сначала испугался, потом рассердился, а потом, когда понял, — сказал «сочувствую», допил чай и пошёл на электричку. Нормальный мужик.

— Ты как? — спросила Инга.

— Нормально.

— Ты не спал.

— Посплю. Сейчас поем и поеду.

— Не езжай сразу. Переночуй.

— Мне завтра с утра надо…

— Филипп. Переночуй.

Он помолчал.

— Ладно, — сказал он. — Посплю в машине пару часов. Потом поеду.

Это был максимум, которого от него можно было добиться, и они оба это знали. Он отключился.

Через полчаса позвонила Нелли Эдуардовна.

— Инга, где Филипп? Я ему третий раз звоню, он сбрасывает. Он мне обещал рассаду отвезти, у меня помидоры перерастут.

Инга посмотрела в окно. Во дворе стояла «Нива».

— В Краснодаре, — сказала она. — По делам. Завтра приедет.

— Какие у него в Краснодаре дела в среду?

— По поставщикам, Нелли Эдуардовна.

— Хм, — сказала свекровь. Это «хм» у неё стоило целого допроса. — Ладно. Передай, что помидоры его не ждут.

Инга положила трубку и только тогда поняла, что сделала. Она сказала свекрови ровно то, что Филипп вчера сказал ей. Теми же словами. Даже с теми же паузами. И Нелли Эдуардовне от этого, наверное, было бы так же обидно, как ей сегодня в шесть сорок, если бы Нелли Эдуардовна узнала. Инга постояла у окна и решила, что расскажет свекрови потом. Когда-нибудь. Не сегодня. Инга посидела. Потом взяла телефон и набрала сыну.

«Это был не ты. Я рада. Мне стыдно, что я рада: это чей-то сын».

Отправила. Посмотрела, как ушло. Потом подумала про Костю, про его мать в Петровске, про то, что Костя сегодня вечером приедет к ней, сядет на кухне и, может быть, даже расскажет, как к нему на вокзале подошёл незнакомый мужик с таким лицом, что Костя испугался. А мать скажет: «Ну что ты, сынок, человек сына ищет». И погладит его по голове, как гладят взрослых сыновей, когда никто не видит.

Ей стало так завидно этой незнакомой женщине из Петровска, что она встала, вышла во двор и долго стояла у «Нивы», положив ладонь на холодный капот. «Нива» сегодня утром осталась незаведённой. Впервые с января.

Вечером позвонила Майя. Голос у неё был быстрый, деловой: она шла с показа, где клиенты сорок минут обсуждали, можно ли в однушке у моря поставить второй холодильник, и в итоге решили, что квартира «не их». Майя рассказывала это смешно, как умела, — передразнивая и клиента, и его жену, и собственную начальницу, — и Инга слушала, держа телефон обеими руками.

— Мам, ты завтра точно? В десять. Там администратор нас ждёт, она нам покажет, как столы ставить, и скатерти, я хочу посмотреть персиковые, Эрик хочет белые, но Эрику всё равно, он просто не любит персиковый цвет, потому что у них на работе так покрашен туалет.

— Точно.

— Ты какая-то тихая.

— Устала.

— Папа где?

Инга помолчала. Можно было сказать правду. Майя имела на неё право — больше, чем Нелли Эдуардовна, может быть, больше, чем сама Инга. Но Майя шла сейчас с показа и смеялась над холодильником, и Инга не смогла.

— Задерживается, — сказала она.

— Ну ладно. Завтра в десять, мам. Не опаздывай.

— Не опоздаю.

Она положила трубку и посмотрела на неё так, будто телефон уличил её в чём-то. Второй раз за день. Она подумала: это, наверное, и есть то, что делает Филипп. Не врёт. Просто откладывает правду на потом, потому что сейчас человеку хорошо. И ей стало не по себе от того, как легко это получилось.

Ещё в пять вечера Филипп написал: «Выехал». Без точки. Значит, проспал он в машине полтора часа, не больше.

Она открыла тетрадь и записала: «17:00. Выехал обратно». В столбце «Кто» поставила не «я», как всегда, а «Ф.». Посмотрела на эту букву. Это была первая запись в тетради, где ничего не делала она сама, а только ждала.

Ночью она не легла. Сидела на кухне, при одной лампе над плитой, с телефоном. В чате было тихо: саратовская версия закрылась, координатор написал «Не он. Спасибо всем, кто проверял», и под этим поставили сорок сердечек. Люди пошли спать. У людей были свои дети, свои дела, свои завтрашние смены.

Она прикинула. Тысяча с лишним километров. Двое суток почти без сна, если не считать тех полутора часов на откинутом сиденье. Трасса через степь, где ночью нет ничего, кроме фур и разметки. Фуры идут колонной, их надо обгонять, а обгонять надо по встречке, и встречка в темноте — это только фары, которые слепят.

Она вдруг поняла, что весь день боялась за Влада — и ни разу за Филиппа. А сейчас, в полночь, она сидела и боялась за мужа так, что у неё мёрзли руки. Это было новое, забытое чувство, и оно было почти облегчением: живого можно было бояться потерять. За живого можно было бояться по-настоящему, с конкретными километрами и фурами.

В половине одиннадцатого он написал: «Волгоград проехал. Нормально». Где-то там, в темноте, был поворот к отцовскому дому. Она подумала, что он, наверное, тоже об этом думает. А может, и нет. Может, он просто едет.

В два она написала ему: «Остановись. Поспи». Он не ответил. В три ответил: «Стою на заправке. Сплю час». Она поверила не до конца, но легче стало.

Кими пришла из комнаты Влада, посмотрела на неё, решила, что сидеть на кухне ночью — это неправильно, и улеглась у её ног на холодный пол. Инга взяла её на колени. Так они и сидели до утра.

* * *

Филипп вернулся в двадцать минут девятого утра.

Она услышала, как машина въехала во двор, как хлопнула дверь, как он постоял у «Нивы». Потом — как поворачивается ключ в замке. Она не спала. Сидела на кухне в халате, с остывшим чаем, и ждала его так, как ждала все эти месяцы не его.

Он вошёл, не снимая куртки. Сел напротив. Лицо было серое, глаза красные, щетина двухдневная. Он поставил на стол термос — Ринатов, синий, с вмятиной на боку, — будто надо было сначала отчитаться за термос. Потом посмотрел на неё, на чай, на тетрадь, которая лежала тут же, раскрытая на апреле.

Чай в термосе, наверное, ещё был. Он его так и не допил.

— Ты знала, — сказал он.

— Из чата. В шесть сорок.

Он кивнул. Будто так и думал.

— Почему ты мне не сказал?

Он молчал. Долго. Она ждала. Она умела ждать, этому её научили три курса аспирантуры и четыре месяца жизни без сына.

— Если бы это был он, — сказал наконец Филипп, — я бы позвонил тебе через минуту. Из того кафе. Ты бы через минуту знала.

— А если не он?

— Если не он, — сказал Филипп, — ты бы не сидела двое суток вот так. — Он кивнул на неё, на халат, на чай. — Я думал, хоть ты поспишь.

— Я не спала.

— Я знаю. Я не знал, что ты узнаешь.

— Я всё узнаю, Филипп. Я всегда всё узнаю. Про записки узнала. Про Саратов узнала. Из чата, от чужих людей, где сто человек знают, куда поехал мой муж, а я думаю, что он в Краснодаре у поставщиков.

Он опустил глаза.

— Ты решил за меня, что мне можно знать, — сказала Инга.

Она сказала это тихо. Как формулировку. Как запись в протоколе. И сама услышала, что сказала это именно так, как говорила на лекциях, — и от этого стало ещё хуже.

Филипп долго не отвечал. Потом сказал — не оправдываясь, просто как есть:

— Я решил за себя. Я не мог сидеть. Если бы я тебе сказал, ты бы поехала со мной. А я не хотел, чтобы ты видела, как я подхожу к чужому мужику и смотрю на него. Я не знаю, какое у меня там было лицо. Костя испугался.

Она смотрела на него.

Она думала: он прав. И думала: он не прав. Он прав, что не хотел, чтобы она это видела. Он не прав, что решил это сам. Он прав, что ей было бы невыносимо. Он не прав, что невыносимое теперь досталось ей другим путём — через чат, через «отец Влада выехал». Обе правды были настоящие и не помещались вместе, как два ключа в одну скважину.

— Ты бы хотела, чтобы я тебя взял? — спросил он.

— Да.

— Даже если бы это был не он?

— Особенно если бы это был не он, — сказала Инга. — Тогда бы я хотя бы знала, что мы видели это вдвоём.

Филипп снял наконец куртку. Повесил на спинку стула. Посидел.

— Ладно, — сказал он. — В следующий раз.

Это было не обещание. Это было признание, что следующий раз будет. Она это поняла, и он это понял, и они оба посидели с этим знанием, как сидят с горячей кружкой, которую нельзя ни выпить, ни поставить.

Потом он пошёл в душ, а она — в спальню. Легла, не раздеваясь, на свою сторону кровати. Через минуту в ноги ей прыгнула Кими. Инга закрыла глаза — на минуту, просто на минуту.

* * *

Когда она открыла их, было без двадцати двенадцать.

Солнце било в окно. В доме было тихо: Филипп уехал в автоцентр, она даже не слышала, как. На тумбочке лежала записка его почерком: «Поспи. Ф.» И телефон. На телефоне — три пропущенных и одно сообщение. От Майи. В 11:07.

«Мам, ты сегодня должна была смотреть со мной зал. Я сидела там час».

Глава 6. Гена, Витя и Толстый

Владик, банку с червями держи в тени и крышку не закрывай — задохнутся. Дед.
— Записка на банке

Червей Влад накопал три. И всем дал имена.

Копал он вчера вечером, за сараем, где у деда была компостная куча и где земля пахла так, будто в ней что-то варится. Дед дал ему лопатку — маленькую, садовую, с синей ручкой — и сказал: «Сколько накопаешь, столько и рыбы». Влад копал час. Земля была сухая, июль, червей в ней не было. Были корни, камешки, крышка от бутылки и один жук, который притворился мёртвым и сразу убежал, как только Влад отвернулся.

Потом дед вылил под кучу ведро воды, и через десять минут черви полезли сами. Влад взял трёх. Больше не стал: остальные были маленькие, а эти — нормальные, настоящие, длиной с его палец.

Первого он назвал Гена, потому что тот сразу начал извиваться, как Гена из второго подъезда, когда ему говорили, что пора домой. Второго — Витя, просто так. Третий был толстый, гораздо толще остальных, и медленный, и долго не хотел вылезать из Владовой ладони обратно в землю. Его Влад назвал Толстый. Это было не очень красиво, зато честно.

Он положил их в банку из-под огурцов, насыпал земли, полил из кружки и поставил на подоконник. Ночью проснулся, проверил. Все трое были на месте.

Утром на банке была записка.

Дед писал записки на всём. На холодильнике висела «Не открывать — дверца падает». На калитке — «Толкать, а не тянуть». На старом кресле в сенях, у которого отваливалась ножка, — «Не выбрасывать. Починю». Кресло стояло там, сколько Влад себя помнил, и дед его не чинил, и не выбрасывал. Влад однажды спросил почему. Дед сказал, что это кресло для разговоров, а для разговоров не обязательно сидеть.

На банке записка была приклеена синей изолентой: «Владик, банку с червями держи в тени и крышку не закрывай — задохнутся. Дед».

Крышки на банке и так не было. Влад её ещё вчера потерял. Но он всё равно посмотрел на записку очень серьёзно, как будто получил приказ.

Деда в доме не было.

Влад выбежал на крыльцо босиком. Первым делом — под горшок с геранью. Он делал это каждое утро, с первого дня, как приехал: наклонял горшок и смотрел, лежит ли ключ. Ключ лежал. Всё было на месте. Влад опустил горшок и побежал искать деда.

Дед был на берегу. Влад увидел его с крыльца: внизу, у воды, где стояла лодка, дед сидел на корточках и что-то делал с вёслами. Рядом лежала Мэри — рыжая, большая, с вислыми ушами и животом, который волочился по траве. Мэри была дедова собака. Она никого не слушалась, кроме деда, и деда тоже не очень.

— Деда! — закричал Влад. — Я иду!

Дед поднял руку, не оборачиваясь. Это значило: иди. И штаны надень.

Штаны Влад надел. Ещё он надел дедову кепку, которая висела на гвозде у двери и съезжала ему на нос, и взял со стола кусок хлеба с маслом, который дед оставил под перевёрнутой тарелкой. На тарелке, конечно, тоже была записка: «Съесть». Влад съел по дороге, половину отдав Мэри, которая встретила его на полпути и сделала вид, что пришла случайно.

* * *

Лодка была деревянная, тяжёлая, крашенная в зелёный цвет, который давно облез и местами был уже не зелёный, а цвет лодки. Дед говорил, что эта лодка старше Владовой мамы. Влад не верил, потому что мама была очень старая — ей было тридцать один.

Дед посадил его на корму, на дощечку, дал в руки банку и сказал:

— Держи. Ты — завхоз.

— Кто?

— Завхоз. Отвечаешь за червей. Без тебя ничего не будет.

Влад прижал банку к животу. Но сначала дед дал ему жестяную банку из-под тушёнки и велел вычерпать воду со дна: за ночь лодка набирала, сколько ни смоли. Влад черпал минут пять, сосредоточенно, высунув язык, выплёскивая за борт по полбанки, а потом подсчитал, что вычерпал больше, чем было, и спросил, откуда берётся остальное. Дед сказал: «Из Волги. Она к нам в гости ходит». Влад решил, что это хорошо, когда к тебе в гости ходит река, и черпать перестал. Мэри осталась на берегу. Она никогда не плавала в лодке: однажды, ещё щенком, упала из неё в воду и с тех пор считала лодки предательством. Она легла на песок, положила морду на лапы и смотрела им вслед с таким видом, будто они уплывают навсегда.

Дед грёб медленно. Вёсла скрипели в уключинах, вода под ними завивалась маленькими воронками. Утро было тихое, Волга широкая, как море, только коричневая и с другим берегом, который был виден, но был очень далеко. Над водой стоял туман — не сплошной, а клочками, как будто кто-то развесил сушиться вату.

— Дед, а можно я погребу?

— Можно.

Дед отпустил одно весло. Влад схватил его двумя руками, потянул. Весло оказалось тяжёлое, как бревно. Оно вывернулось у него из рук, плашмя шлёпнуло по воде и обдало их обоих брызгами. Лодка закрутилась на месте.

Дед вытер лицо рукавом.

— Хорошо, — сказал он. — Для первого раза хорошо.

— Это плохо было.

— Это было хорошо для первого раза. Для второго будет плохо. Подрастёшь — научу.

Он забрал весло и положил его поперёк бортов, а не на дно. Влад спросил почему. Дед сказал: если весло бросить на дно, оно обидится и в следующий раз уплывёт. Влад не поверил. Но с тех пор всегда клал поперёк.

Они встали у камышей, где, по словам деда, жил лещ размером с Мэри. Дед размотал удочку — старую, бамбуковую, с поплавком из гусиного пера, — открыл коробочку с крючками и посмотрел на Влада.

— Ну. Давай первого.

Влад посмотрел в банку. Гена извивался. Витя лежал спокойно. Толстый зарылся в землю наполовину и, кажется, спал.

— Давай Витю, — сказал Влад. — Он всё равно ничего не делает.

Дед взял Витю двумя пальцами. Витя сразу начал делать — извиваться так, что Гена бы позавидовал. Дед поднёс его к крючку.

И тут Влад понял, что сейчас будет.

Он знал, конечно. Он знал с самого начала, что червей копают для рыбалки, что рыба ест червей, что для этого их и надевают на крючок. Он видел, как это делают другие. Но вчера Витя был просто червяк, а сегодня у него было имя. А с именем всё было по-другому.

— Деда!

Дед остановился.

— Что?

— Не надо Витю.

Дед посмотрел на него. Потом на Витю, который висел у него в пальцах. Потом снова на Влада. Лицо у деда было обычное, он даже не улыбнулся.

— А кого надо?

Влад посмотрел в банку. Гена. Толстый.

— Никого не надо, — сказал он и почувствовал, что сейчас заплачет, а плакать было стыдно, потому что ему было восемь лет, и он был завхоз.

Дед молча положил Витю обратно в банку. Положил аккуратно, сверху на землю, и Витя тут же уполз вглубь, к Толстому.

Потом дед сделал вот что. Он встал в лодке во весь рост — лодка качнулась, Влад вцепился в борт, — посмотрел на воду, на камыши, приложил руку козырьком ко лбу и сказал очень громко:

— Всё! Распугали!

— Кого?

— Рыбу. Лещ ушёл. Ты видел — пузыри пошли? Это он ушёл. Обиделся. — Дед сел обратно и начал сматывать удочку. — Ты слишком громко кричал «деда». Рыба этого не любит. Теперь до обеда клевать не будет. Можно домой.

Влад смотрел на воду. Никаких пузырей там не было. Вода была гладкая, как стекло, и в ней отражались камыши и облака.

— А после обеда? — спросил он.

— А после обеда жарко, — сказал дед. — После обеда рыба спит.

Как раз в этот момент у камышей что-то громко плеснуло. По воде пошли круги — большие, настоящие. Влад подскочил.

— Деда! Вон! Лещ!

Дед посмотрел на круги, не переставая сматывать леску.

— Это не лещ, — сказал он. — Это жена его. Пошла за ним, ругаться, что он без завтрака ушёл.

Влад засмеялся так, что чуть не уронил банку. Дед и тут не улыбнулся, только сказал: «Банку держи, завхоз», — но Влад видел, как у него под усами что-то шевельнулось.

Он взялся за вёсла. Влад сидел на корме с банкой на коленях и смотрел, как дед гребёт. Дед смотрел куда-то поверх его головы, на берег, и грёб так же медленно, как утром, — будто они не возвращались без рыбы, а просто плыли туда, куда собирались.

На полпути Влад сказал:

— Деда, а ты нарочно.

— Что нарочно?

— Распугал.

— Это ты распугал. Ты кричал.

— А ты встал.

Дед помолчал. Потом сказал:

— Я тоже кричал. В детстве. Только у меня был не Витя, а Борька.

— Какой Борька?

— Червяк. Мой отец мне тоже говорил, что рыбу распугали.

Влад подумал.

— А Борьку отпустили?

— Отпустили.

— А он вернулся?

Дед перестал грести. Посмотрел на Влада. Потом снова начал.

— Не знаю, — сказал он. — Может, и вернулся. Я не проверял. Они же все одинаковые.

На берегу их ждала Мэри. Она вскочила, бросилась к воде, остановилась у самой кромки — дальше не пошла — и начала лаять так, будто они вернулись с войны.

Дед вытащил лодку на песок, перевернул вёсла, а потом полез в карман куртки, висевшей на коряге, и достал свёрток в газете. В газете была вобла — сухая, золотистая, с глазом.

— Держи, — сказал он. — Это от леща.

— Как от леща?

— Он, когда уходил, просил передать. Чтобы ты не обижался.

Влад взял воблу двумя руками. Он знал, что вобла из магазина у остановки, что она продаётся там связками и что дед, наверное, купил её ещё вчера. Но он решил, что это от леща. Так было лучше.

* * *

После обеда, когда рыба спала и дед тоже спал, в кресле на веранде, накрыв лицо газетой «Волгоградская правда», Влад отнёс банку за сарай. Он выкопал ямку в той же самой куче, где вчера накопал червей, и аккуратно вытряхнул туда землю вместе со всеми тремя.

Гена сразу уполз. Витя — тоже, но медленнее. Толстый лежал на земле и не двигался, и Влад испугался, что он умер. Потом Толстый чуть пошевелился и начал медленно, медленно закапываться. Влад сидел на корточках и ждал, пока он не скроется совсем. Это заняло очень долго, может быть, целую минуту.

Потом он засыпал ямку, разровнял ладонью и положил сверху камешек, чтобы помнить место.

Через полчаса он вернулся проверить. И увидел Мэри.

Мэри стояла задом к нему, передними лапами в куче, и рыла. Земля летела во все стороны, камешек валялся в траве. Мэри никогда в жизни ничего не рыла, она была слишком толстая и слишком гордая, но тут, видимо, учуяла что-то, чего не мог учуять человек, и рыла с таким азартом, будто искала там сахарную кость.

— Мэри! Нельзя! Фу!

Мэри не обернулась. Мэри никого не слушалась.

Влад схватил её за ошейник обеими руками и потянул. Мэри весила больше него. Она упёрлась лапами, продолжая рыть, и Влад тащил её, пятками скользя по траве, и кричал «фу», и «нельзя», и «это не твоё», и «там Толстый», — а Мэри рыла. Наконец он догадался: сбегал на крыльцо, принёс дедову тапку и бросил её подальше. Мэри посмотрела на тапку, на кучу, снова на тапку — и пошла за тапкой с видом собаки, которая и не собиралась ничего рыть.

Влад упал на колени перед кучей. Земля была разворочена. Никаких червей видно не было — ни Гены, ни Вити, ни Толстого. Он долго разгребал руками, осторожно, по горсточке. Не нашёл. Значит, успели уйти глубоко. Значит, Мэри их не достала. Он решил, что так и есть, потому что по-другому решать не хотелось.

Он снова разровнял землю, нашёл камешек и положил на место. Сверху положил второй, побольше. На всякий случай.

Дед проснулся, снял с лица газету и увидел у крыльца свою тапку, обслюнявленную до каблука.

— Это что?

— Это я Толстого спасал, — сказал Влад.

Дед посмотрел на тапку, на Мэри, на Влада, у которого были чёрные по локоть руки, и ничего не спросил. Только сказал: «Руки вымой. С мылом. А то сам червяком станешь».

Банку он вымыл под краном и поставил обратно на подоконник. Записку с неё не снял. Дед сказал: «Банка теперь твоя». Влад сказал: «А черви?» Дед сказал: «А черви — свои собственные».

Вечером они сидели на крыльце. Дед курил бы, если бы не бросил, — он так и говорил: «Сейчас бы покурил, если бы не бросил». Вместо этого он щёлкал семечки и складывал шелуху в ладонь. Мэри лежала у его ног. Солнце садилось за Волгу, и вода из коричневой стала розовой, потом красной, потом серой.

— Деда, — спросил Влад, — а зачем ты ключ под горшок кладёшь?

— А куда его класть?

— В карман.

— В карман — это когда я дома. А когда меня нет, кто-нибудь придёт — а дверь заперта. Надо, чтобы было, где взять.

— А кто придёт?

Дед стряхнул шелуху за перила.

— Кто-нибудь из наших.

— А если ты дома?

— Если я дома, я открою.

— А бабушка придёт?

— Бабушка не придёт, — сказал дед спокойно, как говорят про погоду. — Бабушка на кладбище. Мы с тобой в субботу к ней сходим, цветы отнесём. Ты ей ромашек нарвёшь, она ромашки любила.

Влад кивнул. Про бабушку он знал. Он её не помнил. Ему только казалось, что помнит руки и запах — что-то вроде сдобы.

Влад подумал ещё. Это было логично. Он хотел спросить, кто такие «наши», — мама, папа, Майка, Тамара Павловна из соседнего дома, — но дед вдруг сказал сам, глядя на воду:

— Мой батя один раз пришёл, а никого нет. Деревни нет. Дома нет. Горшка тоже нет — ключ некуда положить. Он с войны пришёл, Владик. Его три года ждали, все думали — всё, а он пришёл. А ключа нет.

— И что он сделал?

— Поехал сюда. Построил дом. И горшок поставил.

Влад посмотрел на горшок с геранью. Он стоял на краю крыльца, обычный, коричневый, с отбитым краем. Герань в нём цвела красным.

— Этот?

— Этот уже другой. Тот разбился давно. Но место то же.

Мэри вздохнула во сне. Над Волгой зажглась первая звезда, а может, это был самолёт.

— Наши всегда возвращаются, Владик, — сказал дед. — Ты это запомни. А ключ пусть лежит.

Влад кивнул. Он не очень понял, но запомнил. На всякий случай.

Утром он первым делом наклонил горшок. Ключ лежал.

Потом сбегал за сарай. Оба камешка были на месте.

* * *

В мае двадцать пятого года Инга искала в гараже ящики для рассады. Нелли Эдуардовна позвонила утром и сказала, что помидоры переросли, перцы тоже, и что если Инга не привезёт ящики сегодня, то Нелли Эдуардовна понесёт рассаду в руках, через весь Темрюк, и пусть все видят.

Ящики стояли на верхней полке, за Филипповыми банками с гвоздями. Инга сняла один, второй. За вторым, у самой стены, в пыли, стояла стеклянная банка из-под огурцов.

На боку банки была синяя изолента. Под изолентой — пожелтевший листок, почерк отца: «Владик, банку с червями держи в тени…» Ниже, на обычном малярном скотче, другим почерком, крупными печатными буквами, как пишут в восемь лет: «ГЕНА. ВИТЯ. ТОЛСТЫЙ».

Она не знала, что банка здесь. Она не знала, что он её привёз. Наверное, тогда же, в две тысячи пятом, в конце августа, в рюкзаке, вместе с камешками и сушёной воблой, которую дед ему завернул в газету.

Она вспомнила то лето. Он позвонил ей от деда, вечером, со стационарного, — у деда был телефон с диском, — и рассказывал минут десять, захлёбываясь, про Толстого, который не хотел закапываться, и про деда, который встал в лодке, и про леща размером с Мэри, которого распугали. Он смеялся так, что у неё звенело в трубке. Она тогда сказала: «Владик, это же дедушкины деньги, давай короче». А он смеялся и не мог остановиться.

Она стояла в гараже с банкой в руках и смеялась тоже. Тихо, одна, в пыли, среди Филипповых гвоздей.

Впервые с декабря она вспомнила его не в тот день. Не на крыльце в декабре, не в «Ниве», не на ориентировке, где он щурился на солнце со всех остановок Темрюка. А восьмилетним, захлёбывающимся от смеха, с банкой, в которой никого не было.

Ящики для рассады она поставила в багажник и отвезла Нелли Эдуардовне, как обещала. Про банку ничего не сказала. Банку она не отнесла обратно на полку. Поставила на подоконник в кухне, где утреннее солнце. Подумала. Переставила в тень.

Глава 7. Тарелочка с зайцем

Шашлыки 1 мая, кто едет?
— Сообщение Майи в семейном чате. Ответов нет

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.